

21 век. Библиотека школьника

Ж. Верн

Дети капитана
Гранта

21 век. Библиотека школьника

Жюль Верн

**Дети капитана Гранта
(адаптированный пересказ)**

«Автор»

2015

УДК 821
ББК 84(4)

Верн Ж. Г.

Дети капитана Гранта (адаптированный пересказ) / Ж. Г. Верн — «Автор», 2015 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 978-5-9989-0839-2

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика французской литературы Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

УДК 821
ББК 84(4)

ISBN 978-5-9989-0839-2

© Верн Ж. Г., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	6
1. Рыба-молот	6
2. Послание капитана Гранта	8
3. Малькольм-Касл	9
4. Предложение Элен Гленарван	10
5. Отплытие	12
6. Каюта номер шесть	13
7. История Жака Паганеля	15
8. Состав экспедиции расширяется	17
9. Магелланов пролив	19
10. Тридцать седьмая параллель	20
11. Чили	22
12. На высоте четырех километров	23
13. Спуск	25
14. Меткий выстрел	27
15. Испанский язык Паганеля	29
16. Рио-Колорадо	31
17. Пампа	34
18. В поисках пресной воды	37
19. Красные волки	39
20. Аргентинские равнины	42
21. Форт Независимый	43
22. Наводнение	44
23. Птичий образ жизни	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Жюль Верн

Дети капитана Гранта

© Родин И. О., текст, 2015

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Часть первая

1. Рыба-молот

26 июля 1864 года вдоль Северного пролива, отделяющего Шотландию от Ирландии, стремительно неслась великолепная яхта. На ее самой высокой мачте трепетал на ветру голубой вымпел, на котором красовались увенчанные герцогской короной инициалы «Э.Г.». Они принадлежали хозяину быстроходного судна, лорду Эдуарду Гленарвану. На борту яхты золотыми буквами было выбито ее название – «Дункан».

На борту «Дункана» находились, кроме самого Гленарвана, его молодая жена леди Элен и двоюродный брат – майор Мак-Наббс. Яхта возвращалась с увеселительной прогулки вокруг Гебридских островов.

В полдень вахтенный матрос заметил в море огромную рыбу. Молодой капитан «Дункана», Джон Мангльс, сообщил об этом Гленарвану. Хозяин яхты в сопровождении майора Мак-Наббса поднялся на палубу.

– Как называется эта рыба? – спросил майор.

– Это крупная акула, – ответил капитан.

– Разве акулы водятся в здешних водах? – не поверил Гленарван.

– Это рыба-молот, акула, которая встречается во всех морях.

– Поймайте ее, Джон. Леди Элен с удовольствием посмотрит на такой крупный экземпляр, – распорядился Гленарван.

Через несколько минут он вернулся на палубу в сопровождении жены. По сигналу капитана, матросы сбросили в море толстый канат с крюком, на конец которого была насажена приманка – большой кусок сала. Акула почуяла добычу и стрелой понеслась к яхте, широко открывая пасть, в которой виднелись четыре ряда зубов. Не прошло и пяти минут, как огромная рыба показалась рядом с яхтой. Стремясь поудобнее ухватить сало, она перевернулась на спину, и приманка мгновенно исчезла у нее в пасти.

Канат сильно дернулся. Острый крюк впился рыбе в небо. Матросы поспешно принялись вытягивать свою добычу и через несколько минут подняли ее на палубу. Один из матросов осторожно подошел к рыбе сзади и ударом топора отсек ей хвост, а затем спокойно принялся разделять акулу.

Пассажиры с интересом наблюдали, как акуле разрубали брюхо. Желудок рыбы оказался пустым, однако какой-то предмет плотно застрял в складке утробы морской хищницы.

– Что это? – спросил Гленарван.

– Должно быть, кусок скалы. Акулы часто глотают камни, чтобы набить желудок, – ответил помощник капитана Том Остин.

– Да, нет! – воскликнул Джон Мангльс, рассматривая предмет, который матросы извлекли из желудка акулы. – Это бутылка!

– Наверное, рыба проглотила ее вместо камня, – предположил Том Остин. – Вы ведь не думаете, сэр, что рыба была горькой пьяницей, которая выпила вино, да еще проглотила бутылку!

– Да уж, трудно себе такое представить, – улыбнулся Гленарван шутке помощника. – Очистите бутылку от грязи, Том, и принесите мне. Бутылки, плавающие по морю, иногда содержат важные документы.

Через полчаса Гленарван вместе с майором, леди Элен и Джоном Мангльсом уже внимательно осматривали удивительную находку, лежащую на столе в кают-компании. Гленарван

начал счищать твердые наросты, которыми покрылась бутылка за время плавания по волнам, и извлек пробку.

– Что там? – спросила Элен.

– Другзя, я был прав, – воскликнул Гленарван, – внутри послание!

– Неужели? – удивилась Элен.

– Надо отбить горлышко, – посоветовал Джон Манглс, – тогда можно будет вынуть документы, не повредив их.

Майор вооружился молотком. На стол посыпались осколки стекла и показались слипшиеся клочки бумаги. Гленарван осторожно разложил их перед собой.

2. Послание капитана Гранта

Извлеченные из бутылки листки были сильно изъедены морской водой. После поверхностного осмотра находки майор и капитан сошлись на том, что перед ними три копии одного и того же документа, написанные, соответственно, по-английски, по-французски и по-немецки. Каждый являлся дословным переводом двух других. Все три содержали одно и то же количество строк и одинаковый набор цифр.

– А можно уловить смысл документа? – спросила Элен.

– Давайте попробуем, – сказал Джон Манглс. – Вряд ли морская вода уничтожила в трех разных документах одни и те же слова. Послание достаточно краткое. Если сравнить сохранившиеся обрывки фраз, в конце концов, смысл текста станет ясен.

Лучше остальных сохранился французский документ. Общими усилиями удалось понять, что речь шла о трехмачтовом судне «Британия», которое потерпело крушение в Южном полушарии. Широта была точно указана во всех трех документах: тридцать семь градусов одиннадцать минут. Судном командовал капитан Гарри Грант.

– Грант! – воскликнул Гленарван. – Похоже, это тот Грант, который мечтал основать новую Шотландию на одном из островов Тихого океана! В газетах года два назад были сообщения о его экспедиции. Вы не помните, Джон?

– Помню, сэр. Я сейчас скажу вам точно.

Джон Манглс извлек из сундука комплект «Торговой и мореходной газеты» за 1862 год. Он быстро нашел заметку, касающуюся плавания «Британии».

– Вот, пожалуйста. Судно вышло из перуанского порта Кальяо тридцатого мая. Это последнее упоминание о «Британии».

– Хорошо. Мы определились с датами. Теперь можно воспроизвести послание.

Гленарван взял лист бумаги и перо и принялся расшифровывать обрывки документа.

– Я могу практически полностью воспроизвести текст, – сказал он наконец. – Смотрите. «7 июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», приписанное к порту Глазго, затонуло у берегов Патагонии в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант попытаются добраться до берега, где окажутся в плену у жестоких индейцев. Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37 градусами 11 минутами широты. Окажите им помощь, или они погибнут».

Майор и Манглс согласились с предложенным толкованием документа.

– Ну, друзья мои, теперь дело за нами.

– Что вы намерены предпринять, сэр? – спросил молодой капитан.

– Как можно скорее прибыть в Дамбартон, наш порт. Оттуда леди Элен поедет домой, а я отправлюсь в Лондон и представлю документы в адмиралтейство. Я обязан сделать все возможное, чтобы капитан Грант и его матросы были спасены. Надеюсь, что правительство немедленно пошлет за ними судно.

Джон Манглс отправился выполнять приказание. Спустя несколько часов яхта пришвартовалась в порту Дамбартона и пассажиры сошли на берег. Гленарван поспешил к поезду, отправлявшемуся в Глазго, чтобы оттуда по прямой добраться до Лондона. По дороге на вокзал он успел отправить телеграммы в редакции газет «Таймс» и «Морнинг кроникл».

На следующее утро газеты опубликовали сообщение: «За справками о судьбе судна «Британия» и капитана Г. Гранта обращаться к лорду Гленарвану, Малькольм-Касл, графство Дамбартон, Шотландия».

3. Малькольм-Касл

Эдуарду Гленарвану недавно исполнилось тридцать два года. Несмотря на то, что он являлся обладателем огромного состояния и с детства привык, что окружающие относятся к нему с почтением, в общении лорд Гленарван никогда не отличался высокомерием. Напротив, все знали его как необыкновенно доброго и благородного человека. Он поощрял передовые начинания и слыл страстным патриотом-шотландцем.

Гленарван женился всего три месяца назад. Элен была на десять лет моложе мужа и происходила из семьи известного путешественника Вильяма Туффнеля. Молодая женщина не принадлежала к знатному роду, зато была чистокровной шотландкой, что в глазах лорда Гленарвана стояло выше любого титула. Супруги прекрасно ладили между собой.

Элен унаследовала страсть отца к путешествиям. Чтобы доставить жене удовольствие, Гленарван построил яхту. Он обещал совершить на ней кругосветное плавание и показать Элен самые чудесные уголки земного шара. Элен обожала «Дункан» и мечтала об экваториальных муссонах и необитаемых островах.

Пока муж улаживал дела Гарри Гранта в Лондоне, Элен Гленарван вернулась домой в Малькольм-Касл. Это был один из самых красивых замков горной Шотландии, располагавшийся на берегу озера Ломонд. Молодая женщина с нетерпением ожидала возвращения мужа. Однако на следующий день пришло письмо, в котором он объяснял, что вынужден задержаться в Лондоне. Лорд Гленарван ссылаясь на непредвиденные затруднения и не скрывал своего недовольства адмиралтейством.

Элен коротала время в гостинице и размышляла, что могло так рассердить ее всегда сдержанного мужа. В это время управляющий доложил, что молодая девушка и мальчик просят хозяйку замка принять их.

С первого взгляда Элен поняла, что перед ней брат и сестра. Девушке на вид было около шестнадцати, мальчик выглядел года на четыре младше. Дети сразу расположили леди Гленарван к себе, потому что держались скромно, но с достоинством, одеты были бедно, но опрятно, и, видимо, привыкли во всем в жизни полагаться на себя. У мальчика было очень решительное выражение лица: очевидно, он считал себя защитником старшей сестры.

– Леди Гленарван, мы прочитали объявление в «Таймс», – начала девушка дрожащим от волнения голосом. – Я дочь капитана Гранта, Мери, а это мой брат Роберт. Мы хотели бы узнать, что вам известно о кораблекрушении, которое потерпела «Британия». Наш отец жив?

Роберт и Мери, не отрываясь, смотрели на Элен, словно их судьба зависела от ее ответа. Растроганная женщина пригласила детей сесть и в подробностях рассказала им историю находки послания Гарри Гранта и его содержание.

– Я не хочу напрасно обнадеживать вас, – закончила она. – В интересах вашего отца лорд Гленарван увез документы в Лондон. Он хочет представить их в адмиралтейство и добиться немедленной отправки судна на поиски капитана Гранта.

Мери расплакалась, а Роберт опустился на колени и поцеловал Элен руку.

– Оставайтесь у меня, – предложила смущенная хозяйка. – Отдохните, поужинайте. Майор Мак-Наббс, двоюродный брат моего мужа, уехал на охоту и будет поздно. Мне невесело в одиночестве. Лорд Гленарван завтра вернется и расскажет, что ему удалось предпринять.

Отказаться от радушного приглашения было невежливо, и дети капитана Гранта остались в Малькольм-Касле ждать возвращения хозяина.

4. Предложение Элен Гленарван

За ужином Элен принялась расспрашивать Мери об их с братом жизни, и девушка охотно поведала гостеприимной хозяйке свою историю.

Капитан Грант был уроженцем Шотландии. Он слыл отважным моряком, прекрасно знавшим свое дело, и опытным купцом, поэтому сумел неплохо обеспечить семью. Мери и Роберт были его единственными детьми, и отец одинаково обожал обоих. Жена капитана умерла при рождении Роберта, поэтому, уходя в плавание, он поручал детей заботам своей двоюродной сестры. Грант получил прекрасное образование и оплатил обучение своих детей.

Грант, как и Гленарван, считал Англию поработорительницей Шотландии. Законодательное разделение двух государств было невозможным, и капитан решил дать своим землякам свободу иным путем – основать шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Он мечтал, что колония когда-нибудь добьется независимости. Помыслы Гранта не были тайной для чиновников, поэтому английское правительство отказалось содействовать осуществлению его планов. Тогда капитан распродал имущество, оставив только самое необходимое, и на собственные средства построил судно «Британия». Подобрал отличную команду из патриотов-шотландцев, он отплыл исследовать крупные острова Тихого океана.

С мая 1862 года от Гранта перестали приходить известия. Сестра отважного капитана скоропостижно скончалась вскоре после его исчезновения. Мери и Роберт остались практически без средств. Ценой жестокой экономии, Мери удавалось сводить концы с концами. Девушка стала зарабатывать рукоделием, отказывала себе в мелочах ради брата и сумела даже скопить небольшую сумму. Денег этих хватило на железнодорожные билеты для нее и для Роберта от Данди, где они жили, до деревни Люсс на берегах озера Ломонд. От станции брат и сестра шли до замка пешком.

Элен была растрогана до слез. Она не знала, чем помочь бедняжке Мери, и только уповала на то, что переговоры Гленарвана окажутся плодотворными. В противном случае молодая женщина решила убедить мужа оставить детей в замке и устроить их дальнейшую судьбу.

После ужина Мери и Роберта проводили в приготовленные гостевые спальни. К десяти часам вечера с охоты вернулся Мак-Наббс. Элен вкратце пересказала ему содержание своей беседы с дочерью капитана Гранта.

– Какая трогательная история, – сказал Мак-Наббс. – Надо им помочь.

– Лишь бы мужу удалось добиться успеха, – проговорила Элен. – Снарядить экспедицию – дело непростое.

– Эдуард человек упорный, – отозвался Мак-Наббс. – Он сделает все возможное. Его уважают, у него связи. Если он не сможет, значит, дело безнадежное. Тогда подключусь я.

Майор Мак-Наббс выглядел моложе своих пятидесяти лет, отличался дисциплинированностью и неистощимым чувством юмора. Он никогда ни с кем не спорил и ни при каких обстоятельствах не терял хладнокровия. Майора невозможно было вывести из себя; он оставался спокойным и невозмутимым, даже если рядом взрывалась бомба. Как и Гленарван, Мак-Наббс не бросал слов на ветер. Элен знала, что вместе с Эдуардом они непременно найдут выход из самого затруднительного положения. Молодая женщина успокоилась и отправилась спать.

На следующее утро Гленарван вернулся в Малькольм-Касл. Встречали хозяина все вместе – Элен, Мак-Наббс, Мери и Роберт. На лице Гленарвана было написано разочарование и раздражение. Он молча обнял жену, пожал руку майору и прямо с порога возмущенным голосом принялся описывать, как обивал пороги кабинетов адмиралтейских чиновников.

– Представьте, они отказались выделить корабль для спасения «Британии»! Говорили о миллионах, зря потраченных на розыски Франклина! Твердили, что прошло два года с момента крушения и найти пострадавших очень мало шансов! Повторяли, что рискованные, безрезультатно.

татные поиски погубят больше людей, нежели спасут жизней! Неслыханно! Англия бросила своих соотечественников на растерзание дикарям! Никогда такого не было! Позор!

Гленарван умолк и нервно зашагал по комнате. Мери и Роберт опустили головы. Элен кусала губы. После нескольких минут молчания майор спросил Гленарвана:

– Что, нет никакой надежды?

– Нет.

– Тогда я сам отправлюсь к этим господам, – решительно воскликнул Роберт.

– Я брошусь к ногам королевы, – эхом отозвалась Мери, – она не откажет детям...

Гленарван только теперь заметил в комнате посторонних и вопросительно посмотрел на Элен. Жена вполголоса сообщила ему, что перед ним – сын и дочь капитана Гранта. Хозяин замка помрачнел. Он знал, что Мери Грант не допустят до королевы. Чиновники и придворные сделают все от них зависящее, чтобы капитан Грант никогда больше не ступил на землю Англии.

Элен понимала возмущение и отчаяние мужа. При этом ее сердце разрывалось от жалости к несчастным детям. Она лихорадочно придумывала выход из положения. Внезапно молодую женщину осенила блестящая мысль.

– Эдуард! – произнесла Элен. – Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тем, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...

– Что ты хочешь сказать, Элен? – насторожился Гленарван.

– Я хочу сказать, что начать супружескую жизнь добрым делом – большое счастье. Эдуард, мы с тобой собирались отправиться в увеселительное плавание. По-моему, мы получим гораздо большее удовольствие, если спасем жизнь людям. «Дункан» – отличное судно. Оно смело может плавать в южных морях, а при необходимости совершить кругосветное путешествие. Едем, Эдуард! Едем на поиски капитана Гранта!

Гленарван обнял молодую жену. Ему самому по дороге домой пришла в голову похожая мысль, но он не знал, как отнесется Элен к его намерению организовать поиски пропавшего мореплавателя вместо свадебного путешествия. Теперь же он лишним раз убедился, что подруга жизни обладает таким же благородным и добрым сердцем, как и он сам. Гленарван радостно улыбался, а Мери и Роберт целовали Элен руки.

5. Отплытие

В тот же день лорд Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести «Дункан» в Глазго и позаботиться о внутреннем переоборудовании судна для дальнего путешествия – расширить угольные ямы и помещение корабельной кухни, чтобы сделать запас продуктов. Молодой капитан в точности исполнил указания и даже приобрел небольшую пушку, чтобы в случае необходимости, «Дункан» мог отразить нападение пиратов.

Джон Манглс был знатоком своего дела и считался в Глазго одним из лучших моряков. Ему недавно исполнилось тридцать лет. Манглс рано осиротел и попал в семью Гленарванов. Хозяева Малькольм-Касла воспитали Джона и сделали из него первоклассного мореплавателя. Молодой капитан был беззаветно предан Эдуарду Гленарвану и готов был пойти за него в огонь и в воду.

Пришло время обсудить состав экспедиции. Джон Манглс согласился взять Роберта на яхту в качестве юнги. Мальчик готов был выполнять самую черную работу, лишь бы отблагодарить Гленарвана. Мери умоляла взять в плавание и ее. Молодая девушка трогательно лепетала о своей любви к пропавшему отцу и брату, говорила, что родной дом без них совсем опустеет для нее, твердила, что умеет шить, а стало бы будет на судне полезной. Капитан, который обычно избегал брать женщин, кроме Элен, на борт, неожиданно согласился и смущенно пообещал Мери обучить Роберта морскому делу.

Майор Мак-Наббс тоже вызвался принять участие в экспедиции. Гленарван был очень признателен ему за это. Невозмутимое хладнокровие двоюродного брата часто выручало Эдуарда там, где сам он мог потерять голову или совершить необдуманый поступок.

Само собой, в плавание отправлялись Эдуард и Элен Гленарваны. Элен брала с собой свою горничную миссис Олбинет. Ее муж, мистер Олбинет, великолепный повар, выполнял обязанности корабельного стюарда.

Каюты пассажиров находились на корме «Дункана». Гленарван и Элен занимали две спальни, салон и две ванных комнаты. В общую залу выходили каюты Мери, Роберта, мистера и миссис Олбинет и майора Мак-Наббса. Шестая каюта пустовала.

Отплытие яхты назначили на 25 августа. Накануне участники экспедиции покинули Малькольм-Касл. В восемь часов вечера пассажиры и команда яхты, от кочегара до капитана, направились в Глазго. Здесь, в старинном соборе Сен-Мунго для лорда Гленарвана служили молебен о благополучном плавании. Поздно вечером все поднялись на борт «Дункана» и немедленно разошлись по каютам спать.

В шесть часов утра 25 августа яхта вышла из Северного пролива в открытый океан.

6. Каюта номер шесть

В первый день плавания море было бурным. «Дункан» сильно качало, и женщины не появлялись на палубе. 26 августа ветер изменил направление, и на море установился штиль. На рассвете Гленарваны, Мак-Наббс и Мери высыпали на палубу любоваться восходом солнца над гладью океана.

– Как поживает Роберт? – обратился к капитану Гленарван. – Я что-то не вижу его.

– Немудрено, сэр, – усмехнулся Джон Манглс. – Чтобы найти Роберта, надо смотреть вверх.

Пассажиры дружно задрали головы. Метрах в тридцати от палубы на мачте сидел Роберт. Мери невольно вздрогнула.

– Не волнуйтесь! – успокоил девушку Джон Манглс. – Я за него ручаюсь. В скором времени мы представим капитану Гранту лихого моряка.

Мери посмотрела на молодого человека с благодарностью.

– Вам нравится «Дункан» Мери? – обернулась к девушке Элен.

– Конечно, – ответила та. – Я отмечаю его достоинства не только как пассажирка, но и как знаток.

– Неужели?

– В детстве я часто плавала на корабле, которым командовал отец. Он мечтал воспитать из меня матроса. Если понадобится, я и теперь могу поставить парус.

– Потрясающе! Нам с тобой, Эдуард, есть чему поучиться у Мери, – шутливо промолвила Элен. – Давай покажем новому матросу яхту.

– С удовольствием! – ответил Гленарван, и в сопровождении жены и Мери отправился в машинное отделение.

Оставшись один на палубе, Мак-Наббс закурил. Он задумался и, не двигаясь, глядел на пенистый след за кормой яхты. Прошло несколько минут. Майор обернулся и неожиданно увидел рядом с собой незнакомого человека.

Это был сухощавый мужчина лет сорока, чем-то похожий на длинный гвоздь с широкой шляпкой. Лицо у него было умное и веселое, лоб высокий, нос длинный, глаза скрывались за толстыми круглыми стеклами очков. На знакомце была дорожная фуражка, бархатные коричневые панталоны, куртка с многочисленными карманами, которые были туго набиты записными книжками, блокнотами и бумажниками. Через плечо болталась на ремне подзорная труба.

– Стюард! – громко позвал человек.

Мистер Олбинет как раз проходил мимо. Он очень удивился, когда услышал, что долговязый незнакомец столь бесцеремонно его окликает. Корабельный стюард прекрасно знал, что никаких посторонних пассажиров на борту нет и быть не может. Тем не менее, мистер Олбинет поспешил к знакомцу.

– Вы стюард этого судна? – спросил тот.

– Да сэр, но я не имею чести...

– Я пассажир каюты номер шесть, – не дал ему договорить незнакомец.

– Каюты номер шесть? – повторил Олбинет.

– Ну да. Как ваше имя?

– Олбинет.

– Хорошо, друг мой Олбинет, – сказал незнакомец из каюты номер шесть, – подайте завтрак, и поживее.

Олбинет слушал, ничего не понимая. В эту минуту на палубе показался Джон Манглс.

– Вот капитан, – объявил Олбинет.

– Замечательно! – воскликнул незнакомец. – Очень рад познакомиться с вами, господин Бертон!

Джон Манглс застыл на месте – не столько от изумления, что его назвали господином Бертоном, сколько потому, что увидел на борту своего судна неизвестного человека.

Странный пассажир, как ни в чем не бывало, продолжал рассыпаться в любезностях. Он говорил с едва заметным французским акцентом.

– Скажите, капитан, вы довольны «Шотландией»?

– О какой «Шотландии» вы говорите? – с трудом выдавил Манглс.

– О пароходе «Шотландия», на котором мы находимся, конечно! Мне на все лады расхвалили достоинства вашего судна, и теперь я вижу, что оно действительно заслуживает восхищения. Скажите, вы случайно не родственник великого африканского путешественника Бертона?

– Сэр, я не только не родственник путешественника Бертона, но я даже и не капитан Бертон, – ответил Джон Манглс.

– А-а... – протянул незнакомец. – Значит, я говорю с помощником капитана Бертона, мистером Берднессом?

Джон Манглс молча смотрел на него. В это время на палубу поднялись Гленарван, Элен и Мери.

– Вот и пассажиры! Чудесно! – продолжал незнакомец. – Надеюсь, мистер Берднесс, вы представите меня...

Джон Манглс не смог выдать из себя ни слова. Он не знал, как объяснить Гленарвану появление на его яхте постороннего пассажира. Не дожидаясь ответа, обитатель каюты номер шесть поспешил представиться сам.

– Сэр, – начал он, обращаясь к Гленарвану, – надеюсь, мы подружимся, а в обществе прекрасных дам путешествие на «Шотландии» покажется нам коротким и приятным.

Незнакомец по очереди галантно поцеловал дамам ручки. Элен и Мери не нашлись, что сказать.

– Сэр, – обратился к нему Гленарван, – с кем имею честь говорить?

– Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества, член-корреспондент географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, почетный член Королевского географического и этнографического института восточной Индии. Я проработал в области географии без малого двадцать лет. Все это время был, так сказать, кабинетным ученым, а теперь решил, наконец, приступить к практике. На этом замечательном судне я направляюсь в Индию.

Повисло гробовое молчание.

7. История Жака Паганеля

Гленарвану было хорошо известно имя и за слуги Жака Паганеля. Его труды по географии, его доклады о новейших открытиях регулярно печатались в бюллетенях Общества. Паганель заслуженно считался одним из виднейших ученых Франции.

– Позвольте спросить, – осторожно начал Гленарван, – когда вы прибыли на борт судна?

– 24 августа в восемь часов вечера. Сойдя с поезда на вокзале, я сел в кэб, который привез меня в порт. Я направился прямо на «Шотландию», где для меня была заказана каюта номер шесть. Ночь была темная, и я никого не заметил на палубе. Представьте себе, у меня даже не спросили билет! Я сильно устал с дороги и проспал целых тридцать шесть часов!

Пассажиры и капитан понимающе переглянулись. Действительно, вечером 24 августа на «Дункане» никого не было.

– Господин Паганель, в какой же порт вы намереваетесь прибыть? – спросил Гленарван.

– В Калькутту, сэр. Всю жизнь я мечтал увидеть Индию! Наконец-то мое желание осуществится!

– Значит, господин Паганель, вас очень огорчило бы изменение маршрута? – продолжал хозяин «Дункана».

– Конечно, сэр. Я везу с собой рекомендательные письма к генерал-губернатору Индии. К тому же мне необходимо выполнить поручение Географического общества – уточнить сведения об этой стране, собранные великими путешественниками прошлого. В начале следующего года я должен выступить с докладом.

– Я не хочу держать вас в неведении, господин Паганель. К сожалению, на некоторое время вам придется отложить экспедицию в Индию.

– Почему?

– Вы плывете в противоположную сторону.

– Как! Капитан Бертон... – беспомощно обернулся Паганель к Джону Манглсу.

– Я не капитан Бертон, – отозвался тот.

– Но «Шотландия»...

– Это судно не «Шотландия».

Теперь настала очередь Паганеля изумляться.

– Вы шутите...

– Нет, сэр. Я лорд Эдуард Гленарван, хозяин яхты. Это моя жена Элен. Мы едем в свадебное путешествие в Южное полушарие.

Паганель стал растерянно озираться по сторонам. Взгляд его упал на штурвал, на котором красовалась надпись: «Дункан. Глазго».

Незадачливый ученый схватился за голову и помчался к себе в каюту.

– Ну и ну, – протянул Джон Манглс. – Перепутать суда и плыть в Чили, когда у тебя в кармане билет в Индию!

– Знаете, Джон, меня этот случай не удивляет, – отозвался лорд Гленарван. – Рассеянность Жака Паганеля вошла среди ученых в поговорку. Однажды он опубликовал подробнейшую карту Америки, куда умудрился вклинить Японию. Впрочем, рассеянность не мешает ему быть одним из лучших географов Франции.

Разговор был прерван появлением Паганеля. Он успел переодеться и собрать вещи, видимо надеясь в скором времени сойти на твердую землю.

– Лорд Гленарван, куда идет «Дункан»? – спросил он.

– В Америку, в Консепсьон.

– В Чили! Только не это! – воскликнул злополучный ученый.

– Господин Паганель, как я понимаю, вам желательно как можно скорее покинуть наш корабль и вернуться к цели вашего путешествия, – утешая его, заговорил Джон Манглс. – Скоро мы остановимся у острова Мадейра. Там вы сядете на судно, возвращающееся в Европу, и начнете все сначала.

– А может быть... – проговорил Паганель. – Скажите, дорогой лорд, а вы твердо намерены держаться запланированного маршрута? Индия – чудесная страна, неисчерпаемый источник волшебных сюрпризов, неожиданностей для путешественников... Несомненно, прекрасные дамы не бывали в этой стране... Стоит только дать команду рулевому, и «Дункан» свободно поплывет вместо Консепсьона в Калькутту.

– Это невозможно, господин Паганель, – развела руками Элен. – Если бы речь шла об увеселительном путешествии, то я, не задумываясь, ответила вам согласием. Но мой муж не сказал вам главного. «Дункан» плывет в Патагонию, чтобы вернуть на родину шотландских моряков, потерпевших там крушение.

Гленарван вкратце ввел француза в курс дела.

– Не хотите ли, господин Паганель, присоединиться к нашей экспедиции? – спросила леди Элен.

– Это невозможно, сударыня. Я связан обязательствами. Прошу вас высадить меня на берег в первом же порту, куда зайдет «Дункан».

– То есть на острове Мадейра, – подхватил Джон Манглс.

– Пока мы в пути, господин Паганель, – улыбнулась Элен, – будьте у нас на яхте как дома. Мы постараемся, чтобы вы не очень огорчились, что допустили ошибку.

– Поверьте, что ни делается, все к лучшему, – добавил майор.

Паганель оказался милым веселым человеком и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением. Он за полдня подружился со всеми пассажирами и матросами. Его живо заинтересовала история капитана Гранта. Ученый попросил, чтобы ему показали найденные в бутылке документы, и принялся долго и кропотливо изучать их. Когда же Паганель узнал, что Элен – дочь путешественника Вильяма Туффнеля, географ рассыпался в комплиментах. Оказалось, что Паганель лично встречался с ним много лет назад. Ученый отозвался о Туффнеле с огромным уважением и заявил, что станет его дочери самым верным другом.

8. Состав экспедиции расширяется

30 августа на горизонте показался остров Мадейра.

– Дорогой лорд, – обратился Паганель к Гленарвану, выйдя вместе с ним на палубу. – Скажите честно, до встречи со мной вы собирались делать остановку на Мадейре?

– Если честно, то нет, – ответил Гленарван.

– Понимаете, остров Мадейра не представляет интереса с точки зрения науки. Мне нечего здесь делать после моих предшественников, которые прекрасно описали его и составили подробную карту. Если вы не возражаете, высадите меня у Канарских островов...

– Будь по-вашему, – пожал плечами Гленарван. – Сделаем остановку у Канарских островов. Я скажу Джону.

Весь следующий день Паганель не давал Джону Манглсу прохода и рассказывал о Чили. Молодому капитану географ нравился все больше и больше. Его память на даты и цифры потрясла Джона. Паганель говорил, словно читал по книге. К тому же у него был несомненный дар рассказчика: все факты и исторические события он преподносил так живо и эмоционально, словно лично пережил их. Капитан с удовольствием слушал бы Паганеля весь день, но тут на горизонте появилась точка, которая заставила Джона прервать своего собеседника.

– Господин Паганель! – произнес капитан. – Поглядите в ту сторону. Вы ничего не видите?

– Ничего.

– Смотрите внимательнее. Мы находимся в сорока милях от Канарских островов. Вершина Тенерифского пика уже ясно вырисовывается на горизонте.

– А мне казалось, что это не очень высокая гора.

– Ничего, когда вы станете взбираться на нее, она покажется вам достаточно высокой!

– Взбираться на Тенерифский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гумбольдт поднялся на эту гору и так подробно описал ее, что тут уж ни слова не прибавишь. Он отметил пять зон: зону виноградников, зону лавров, зону сосен, зону альпийских вересков и, наконец, бесплодную зону.

– Тогда вам придется скучать в ожидании судна на Европу в порту Тенерифе.

– Да, капитан, вы правы... – огорченно покачал головой Паганель. – Только время зря потеряю. Скажите, а на островах Зеленого Мыса нет удобных стоянок?

– Конечно, есть. В Вила-Прая можно сесть на пароход в Европу. Нам в любом случае придется остановиться там, чтобы запастись углем, и вы нас несколько не задержите.

– Давайте отложим высадку до островов Зеленого Мыса. Пойду распакую чемодан.

Джон очень обрадовался и поспешил сообщить о решении пассажира каюты номер шесть Гленарванам. Известие о том, что Паганель остается еще на три дня, было встречено бурей восторга.

3 сентября Паганель снова уложил вещи, готовясь к высадке на берег. «Дункан» лавировал между островами Зеленого Мыса. Погода стояла отвратительная. Вид Вила-Прая сквозь частую завесу дождя был удручающе унылым.

Паганель нервно ходил по палубе, с сомнением покачивая головой. Пассажиры вышли проститься с ним.

– словно нарочно плохая погода, – изрек Паганель.

– Да, – согласился майор.

– Похоже, стихия против нас, – вздохнул Гленарван.

– Да, – подтвердил майор.

– Ужасный ливень, – заметила леди Элен.

– Да, – кивнул майор.

– Я, сударыня, ливня не боюсь, опасуюсь только за багаж и инструменты: ведь все погибнет, – кусая губы, отозвался Паганель.

– Путешественник не должен быть слишком взыскателен, – возразил майор. – Все будет хорошо. Глядишь, месяцев через семь-восемь отплывете в Европу.

– Что? Семь-восемь месяцев! – заволновался Паганель.

– В период дождей суда редко заходят на острова Зеленого Мыса, – подтвердил капитан. – Но вы можете с пользой провести время. Этот архипелаг мало изучен в области топографии и этнографии.

– Если бы! – вздохнул ученый. – Горы здесь невысоки и неинтересны. К тому же они давно исследованы.

– Одним словом, я подожду бы с высадкой, – подытожил майор.

– Дорогой Гленарван, – убитым голосом сказал Паганель, – где вы намереваетесь сделать следующую остановку?

– Не раньше Консепсьона.

– Это ужасно!

– Ужасно, – подтвердил Мак-Наббс, – тем более что патагонские индейцы такие же аборигены, как туземцы индийского штата Пенджаб. Даже пишутся одинаково. Всего одна буква отличается.

– И нигде в литературе они не описаны, – добавил Джон Манглс. – Представьте себе, господин Паганель, – Париж, заседание и доклад «Индейцы Южной Америки»...

– Уважение коллег, дорогой Паганель, – подхватил Гленарван, – можно заслужить в любой стране. Всюду разрешено работать и делать научные открытия: и в Кордильерах и в горах Тибета.

– Короче говоря, не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? – ласковым тоном предложила Элен.

– Сударыня! А моя командировка?

– Предупреждаю, господин Паганель, мы пройдем Магеллановым проливом, – объявил Гленарван.

– Сэр, вы искуситель!

– Вам самому смертельно хочется остаться, Паганель, – произнес майор. – У вас на лице написано. Не церемоньтесь. Здесь все свои.

– Вы угадали, майор! – воскликнул географ. – Я просто боялся быть навязчивым. Позвольте мне присоединиться к вам, лорд Гленарван. Я буду полезен.

Дружные аплодисменты были ему ответом. Элен на радостях даже обняла почтенного ученого.

9. Магелланов пролив

7 сентября при сильном северном ветре «Дункан» пересек экватор. Началось плавание в Южном полушарии.

Жак Паганель был совершенно счастлив. Он целыми днями изучал географические карты, разложенные на столе в кают-компании. Среди судового груза ученый наткнулся на ящики с книгами, среди которых обнаружил несколько томиков на испанском языке. Паганель решил изучить по ним язык Сервантеса, чтобы к моменту прибытия в Консепсьон служить своим друзьям переводчиком. В свободное время Паганель занимался с Робертом географией и рассказывал ему историю Южной Америки.

Гленарваны и Мак-Наббс часто обсуждали план предстоящей экспедиции. Если Эдуарда больше занимала морально-этическая сторона вопроса, и он грезил тем, как выполнит работу правительства по спасению шотландского гражданина, то майор был озабочен более земными проблемами. Он недоверчиво разглядывал послание капитана Гранта и изучал карту Патагонии, время от времени советуясь с Паганелем.

Одним из наиболее заинтересованных в успехе экспедиции людей был капитан Джон Мангис. Молодой человек был сильно увлечен Мери и так неумело скрывал свои чувства, что все, кроме него, заметили это. Элен считала, что они станут прекрасной парой, и всячески помогала Джону и Мери почаще быть вместе, чтобы лучше узнать друг друга. В мыслях молодой капитан уже примерял на девушку свадебную фату, хотя еще ни словом не решился обмолвиться о своей любви. Таким образом, Джон участвовал в поисках не просто капитана Гранта, а своего возможного будущего родственника.

25 сентября «Дункан» вошел в Магелланов пролив. Вскоре показались развалины – остатки покинутой колонии, получившей название Порт Голода.

В 1581 году испанец Сармиенто основал здесь город Сан-Фелиппе. Вместе с ним на этих берегах начали новую жизнь четыреста эмигрантов. Однако первая же зима выдалась настолько суровой, что часть поселенцев замерзла насмерть. Оставшиеся в живых еле дотянули до весны. Но привычные испанцам сельскохозяйственные культуры в этих местах не росли, поэтому посевы не взошли и десятки людей умерли от голода. Корсар Кевендиш, посетивший колонию в 1587 году, застал на развалинах города, просуществовавшего всего шесть лет, последнего поселенца.

«Дункан» обогнул мыс Фроуорд и стал приближаться к южному побережью Америки. На южном берегу пролива, на Огненной Земле, высилась гора Сармиенто – гигантское нагромождение скал, рассеченных грядой облаков.

10. Тридцать седьмая параллель

10 октября яхта бросила якорь в порту Талькауано. Гленарван вместе с Паганелем сел в шлюпку и отправился на берег выяснять, не сохранилось ли в здешних местах следов крушения «Британии». Паганель вызвался быть переводчиком. Ученому не терпелось применить на практике свое знание испанского языка, над изучением которого он добросовестно трудился на борту «Дункана». Однако, к его удивлению, жители Талькауано ничего из сказанного им не поняли.

– Наверное, у меня плохое произношение, – решил Паганель.

– Пойдемте в здание таможни, – сказал Гленарван. – Там должны понимать по-английски.

Таможенные чиновники с помощью нескольких английских слов, сопровождаемых выразительной жестикуляцией, объяснили путешественникам, что резиденция консула Великобритании – город Консепсьон – находится в двадцати километрах от гавани. Гленарван нанял двух лошадей и вместе с Паганелем поскакал в указанном направлении.

Консул принял Гленарвана очень учтиво и, узнав историю капитана Гранта, предложил навести справки по побережью. Однако розыски не дали никакого результата.

– Судя по всему, – заявил Паганель, вернувшись на «Дункан», – капитан Грант находится в плену у индейцев, которые увели его в глубь материка. Капитан и его спутники отправили послание уже оттуда. Бросили бутылку в одну из рек, впадающих в море.

– Что нам теперь делать? – спросил Гленарван.

– Действовать самостоятельно. Прочесать материк. Пройдем вдоль тридцать седьмой параллели от Тихоокеанского побережья до Атлантического океана.

С этими словами Паганель разложил на столе в кают-компании карту Чили и Аргентины. Гленарван, майор и Джон Манглс послушно склонились над ней. Роберт стоял в дверях.

– Переберемся через узкую полосу Чили, перевалим через Андские Кордильеры и спустимся в пампу, – рассказывал Паганель, водя пальцем по карте. – Здесь течет множество рек и горных потоков – Рио-Негро, Рио-Колорадо и их притоки, пересекающие тридцать седьмую параллель. Любая из них могла вынести бутылку с посланием Гранта в море.

– Паганель, вы сказали, что капитан находится в плену у индейцев, – уточнил майор. – Давайте решим, как действовать, если мы обнаружим его.

– Есть два варианта, – ответил Гленарван. – Либо капитан Грант попал в плен к многочисленному племени индейцев, либо им заинтересовалась небольшая группа туземцев. В первом случае мы отправимся в Буэнос-Айрес и там с помощью консула соберем сильный отряд солдат. Во втором случае освободим Гранта своими силами.

– Понятно, – кивнул майор. – Сколько нам предстоит пройти?

– Речь идет о расстоянии в тысячу километров, – отозвался Паганель. – Мы будем все время двигаться по прямой. Под этой широтой в Северном полушарии расположены Испания, Сицилия и Греция. В общем, путешествие пройдет в идеальных климатических условиях и продлится самое большее месяц. Наши шансы найти капитана Гранта очень велики. Местные индейцы не людоеды. Мой знакомый по Географическому обществу, Гинар, провел три года в пампе, в плену у индейцев. В этих краях европеец – существо полезное, его можно обменять на что-нибудь очень нужное. Индейцы знают это и заботятся о пленнике, как о породистом животном.

– А где будет находиться «Дункан»? – спросил Джон Манглс.

– Пока мы будем прочесывать материк, «Дункан» обогнет континент с юга и будет нас ждать на противоположном побережье через месяц.

– Между мысом Корриентес и мысом Сан-Антонио? – уточнил капитан.

– Совершенно верно.

– Кто войдет в состав экспедиции? – спросил Гленарван.

– Группа должна быть небольшая, – ответил Паганель. – Нам важно узнать, в каком положении находится капитан Грант, а не вступать в бой с индейцами. Полагаю, что лорд Гленарван возглавит экспедицию, к нему присоединится майор, ну и я рад предложить свои услуги.

– И я! – воскликнул юный Грант.

– Почему бы нет? – улыбнулся Паганель. – Итого, четыре. Еще нужны три матроса – на ваше усмотрение, лорд Гленарван. Семь человек – этого более чем достаточно.

– Достаточно? – удивился Джон Манглс. – Вы не назвали меня, господин Паганель.

– Дорогой Джон, на борту яхты остаются дамы, самое дорогое для нас на свете, – подмигнул ему Паганель. – Кто лучше вас сможет позаботиться о них?

Перспектива провести ближайший месяц в обществе Мери Грант очень улыбалась молодому капитану, поэтому спорить он не стал.

Оставалось решить, кто из команды присоединится к отряду Гленарвана. Матросы, узнав, с какой целью надо пуститься в путь, единодушно предложили свои услуги. Чтобы никого не обидеть, Гленарван предложил отобрать добровольцев путем жеребьевки. Жребий выпал помощнику капитана Тому Остину и матросам Вильсону и Мюльреди.

11. Чили

На берегу Гленарван основательно подготовил отряд к переходу через материк. Он включил в состав экспедиции четырех проводников-туземцев и нанял погонщика мулов – англичанина, прожившего в Чили более двадцати лет. Погонщик очень обрадовался возможности пообщаться с соотечественниками, поскольку такой случай выпадал ему нечасто.

Англичанин пояснил, что перевалить через Андский хребет нелегко. Предпринять такое путешествие можно только имея в своем распоряжении выносливых аргентинских мулов. Эти животные неприхотливы в еде, пьют раз в день, легко проходят сорок километров за восемь часов и могут нести груз в сто пятьдесят килограммов.

Начало перехода назначили на 14 октября. Отправным пунктом экспедиции стал город Арауко. Вначале дорога на восток шла по плодородным равнинам, усаженным виноградниками или отведенным под пастбища. Постепенно местность становилась все пустынее. Лишь изредка кое-где попадались хижины индейцев-охотников за дикими лошадьми или заброшенные почтовые станции.

На следующий день путешественники благополучно переправились через пороги реки Рио-Бель и вечером расположились лагерем на берегу Био-Био, протекавшей на границе между испанским Чили и Арауканией. Туземцы почти не попадались им на глаза. Лишь изредка вдалеке проносились верхом «гуачос» – метисы, потомки браков между индейцами и испанцами.

Места эти были мало исследованы, и потому самым счастливым человеком в отряде был Паганель. Особенное удовольствие ученому-географу доставляло, если какая-нибудь река не была обозначена на карте, с которой он постоянно сверялся. Поскольку это происходило довольно часто, секретарь Географического общества притворно сердился.

– Река без названия подобна человеку без имени! – восклицал Паганель, после чего, не стесняясь, придумывал какое-нибудь звучное испанское название и отмечал новую реку на карте.

– Как ваши успехи в испанском языке? – поинтересовался Гленарван.

– Замечательно! Все идет, как по маслу! Вот только это проклятое произношение! – хватался за голову темпераментный француз.

– Произношение, говорите, – ухмылялся майор. – Ну-ну.

12. На высоте четырех километров

К концу второго дня отряд сделал привал в неглубоком ущелье в нескольких милях от города Лоха. Эту ночь путешественникам предстояло провести у подножия сьерр – первых ступеней огромного хребта Анд. Впереди Гленарвана и его товарищей ожидали бесчисленные препятствия и опасности, с которыми связано путешествие в горах.

Вначале восхождение проходило спокойно, но к середине дня майор заметил, что проводники и погонщик словно сомневаются в правильности пути, по которому ведут отряд. Они все чаще останавливались и оглядывались вокруг, пристально разглядывая скалы и стараясь найти среди камней следы ног индейцев.

– Видимо, они сбились с пути, – заметил Мак-Наббс.

– Указать дорогу безошибочно здесь невозможно, – пояснил Паганель. – Частые землетрясения меняют рельеф местности, дороги нередко пропадают и опознавательные вехи исчезают.

Наконец погонщик обернулся к Гленарвану.

– Нам придется вернуться и искать обходные пути. – сказал он.

– Тогда мы сойдем с тридцать седьмой параллели, – возразил Паганель. – И к тому же задержимся дня на три, не меньше.

– Вы можете предложить другой вариант? – спросил географа майор.

– Да, – ответил Паганель, – проход Антуко, идущий по склону вулкана под тридцать седьмым градусом третьей минутой южной широты.

Погонщик и проводники удивленно переглянулись.

– Откуда у вас такие сведения? – задал вопрос Гленарван.

– Дорогой лорд, я сотни раз проходил через этот перевал!

– Как? – не поверил майор. – Верхом на муле?

– Нет, сидя у себя в кабинете, по карте!

– Наш караван здесь не пройдет, – покачал головой погонщик. – Последнее землетрясение сделало дороги непроходимыми.

– Для мулов, но не для людей, – отозвался майор. – Если вы отказываетесь нас сопровождать, мы пойдем дальше пешком.

– Обойдемся своими силами, – подтвердил Паганель. – Через сотню метров мы увидим проход Антуко, и я не хуже местного проводника выведу вас кратчайшим путем к подножию Кордильер.

Гленарван расплатился с погонщиком и проводниками. Самую необходимую часть поклажи распределили по рюкзакам, и Гленарван, майор, Паганель, Роберт и матросы стали медленно пробираться между скалами. Возглавлял шествие географ, чья изумительная память и широчайшая эрудиция внушала путешественникам абсолютное доверие. Действительно, Паганель не зря считался выдающимся ученым: всю жизнь проведя в кабинете, он совершенстве знал все, что относилось к его науке, и в считанные дни превратился из географа-теоретика в блестящего практика.

Подъем продолжался всю ночь. Помогая друг другу, путешественники цеплялись руками за выступы, взбирались на неприступные площадки, перепрыгивали через глубокие расщелины.

Когда начало светать, отряд находился на высоте двух с половиной километров. Здесь то и дело попадались ламы и шиншиллы. Чуть выше, у границы вечных снегов, целыми стадами бродили изящные животные – альпака. Они напоминали безрогих коз с длинной шелковистой шерстью. Паганель отдал бы все на свете за удовольствие поймать хотя бы одну из них, но пуг-

ливые красавицы стремительно уносились прочь, бесшумно скользя по ослепительно белому снежному ковру.

Облик окружающей местности совершенно изменился. Со всех сторон отражая первые лучи восходящего солнца вздымались огромные глыбы сверкающего льда. Подъем становился очень опасным. Приходилось постоянно прощупывать, нет ли под ногами расщелины. Вильсон встал во главе отряда, пробуя лед. Остальные ступали точно по его следам, стараясь говорить как можно меньше. Паганель объяснил, что в горах нельзя повышать голос, так как малейшее сотрясение воздуха может вызвать обвал лавины.

Разреженность воздуха вызывала удушье, десны кровоточили, кружилась голова. Чтобы усилить кровообращение, людям приходилось как можно чаще дышать. От блеска отраженных лучей солнца на снегу у путешественников болели глаза. Обессиленный Роберт стал задыхаться, и Мюльреди понес его на руках. То один, то другой путник падал и, не в силах подняться на ноги, и полз вперед на коленях.

Путешественники совсем выбились из сил и уже готовы были устроить привал прямо на снегу. Внезапно майор остановился и указал влево.

– Хижина, – спокойным голосом произнес он.

13. Спуск

Любой человек на месте Мак-Наббса сто раз прошел бы мимо этой хижины, вокруг нее и даже над нею и не заподозрил бы ее существование. Занесенная снегом, она почти не выделялась на фоне окрестных скал. Усталым путешественникам пришлось распаковывать вещи и, вооружившись ножами, откапывать хижину из-под снега. Это не заняло много времени. Скоро на поверхности появился примитивный очаг с дымоходом из кирпичей, который давал возможность развести огонь, обогреться и приготовить завтрак.

– Стало быть, здесь есть топливо, – промолвил майор, оглядываясь по сторонам. Вокруг не росло ни деревца, ни кустика.

– Готовьте еду, Мак-Наббс, – отозвался Гленарван. – Мы с Паганелем возьмем на себя обязанности дровосеков.

Скалы были покрыты сухим лишайником, и Гленарван набрал его целую кучу. По совету ученого, они также запаслись растением льяретта, корни которого хорошо горят. Разжечь огонь на такой высоте оказалось нелегко, еще труднее было поддерживать его.

– Разреженный воздух содержит мало кислорода для горения, – объяснил майор. – Зато вода здесь закипит не при ста градусах, а раньше.

Путешественники сварили кофе и позавтракали. Они шли, не останавливаясь, всю ночь, и теперь им был необходим отдых. Сначала Роберт, за ним – Том Остин, а потом и остальные растянулись на полу хижины и задремали.

Вечером путешественников разбудил звериный вой и топот копыт.

– Пойдем посмотрим, – предложил майору Гленарван.

– Причем с оружием в руках, – отозвался Мак-Наббс, беря в руки карабин.

Выйдя из хижины, они увидели страшную картину. Небо озарялось далекими всполохами огня. Земля дрожала под ногами. Гленарван догадался, что где-то началось извержение вулкана. Тысячи животных, словно лавина, неслись вниз, производя, несмотря на разреженный воздух, оглушительный шум. Живой вихрь промчался в нескольких метрах над хижинкой. Паганель, уверяя, что ночью видит лучше, чем днем, вспрыгнул было на крышу, но был мгновенно сбит с ног.

В этот момент раздался выстрел Мак-Наббса, который, как всегда, не поддавался всеобщей панике. Какое-то животное упало в нескольких шагах от хижины. Остальное стадо с воем понеслось вниз по склонам, освещенным заревом извергающегося вулкана.

– Вы не ранены, Паганель? – спросил Гленарван, заметив, что ученый ползает на коленях, шаря по земле руками. – Вы что-то потеряли?

– Да. Мои очки. Как их не потерять в такой суматохе! Кто-то сбил меня с ног.

– Вот кто, – сообщил майор, бросая перед входом в хижину животное, которое он застрелил. Животное походило на небольшого верблюда, только без горба. У него была изящная голова, стройное тело, длинные тонкие ноги, шелковистая светло-кофейного цвета шерсть с белыми пятнами на брюхе.

– Это гуанако! – определил, взглянув на него, Паганель.

– Что такое «гуанако»? – спросил Гленарван, подавая Паганелю очки.

– Животное, годное в пищу, – ответил ученый.

– Вкусное? – поинтересовался майор.

– Очень. Я берусь приготовить жаркое, – заявил Паганель.

– Вы еще и повар, господин Паганель? – спросил Роберт.

– Конечно, ведь я француз, а все французы отлично готовят.

Матросы быстро освеживали гуанако, и через пять минут Паганель уже раскладывал на раскаленных углях очага крупные куски мяса. Однако когда он подал товарищам аппетитно зажаренное филе гуанако, путешественники принялись отчаянно отплеиваться.

– Отвратительно! – сказал один.

– Совершенно несъедобно! – добавил другой.

Паганель, отведав своей стряпни, вынужден был согласиться, что жаркое невозможно есть даже умирая от голода. Товарищи стали добродушно подшучивать над его кулинарными способностями. Ученый никак не мог понять, почему кушанье не удалось ему. Внезапно Паганель озарила догадка.

– Я понял! – воскликнул ученый. – Понял, в чем дело!

– Что, это мясо слишком долго лежало? – с иронией в голосе поинтересовался Мак-Наббс.

– Нет, майор, оно слишком долго бежало!

– Что вы хотите сказать? – спросил Том Остин.

– Дело в том, что мясо гуанако годится в пищу, если животное застрелить, так сказать, в спокойном состоянии. Убитое же в результате погони гуанако несъедобно.

Пришлось ложиться спать без вкусного мясного ужина. Каждый завернулся в свое пончо, и вскоре в хижине раздался богатырский храп. Громче остальных выделялся бас ученого-географа.

Эдуард Гленарван не мог уснуть и сидел у очага, время от времени подбрасывая топлива в огонь. Его томило какое-то смутное предчувствие близкой беды.

Прошел час. Гленарвану послышались отдаленные раскаты грома. Он подумал, что ниже по склону горы бушует гроза, решил убедиться в этом и вышел из хижины.

Высоко в небе мерцали звезды. Лунный свет заливал окрестные скалы. Воздух был прозрачен и неподвижен. Не было даже намека на грозу или молнии. Лишь вдали мелькали отблески огнедышащего вулкана.

Между тем раскаты грома приближались, но установить их природу было невозможно. Обеспокоенному Гленарвану ничего не оставалось, как вернуться в хижину. Он не стал будить товарищей, спавших мертвым сном, и сам забылся на несколько часов в тяжелой дремоте.

Разбудил Гленарвана оглушительный шум. Казалось, скрежет множество повозок, везущих по мостовой ящики с артиллерийскими снарядами. Гленарван выскочил из хижины и почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.

Облик гор резко изменился: они словно стали ниже. Остроконечные вершины, качаясь, исчезали, будто проваливались в гигантские люки. Происходило явление, свойственное Андам: горный кряж шириной в несколько километров сползал вниз к равнине.

– Землетрясение! – закричал Гленарван.

Его ошеломленные, охваченные ужасом спутники уже проснулись и беспорядочно катились со скоростью курьерского поезда вниз по крутому склону горы. Никто не мог бы определить, сколько времени продолжалось падение. Наконец сильный толчок оторвал людей от скользящей поверхности и выбросил вперед. Землетрясение кончилось так же внезапно, как и началось. Было около восьми часов утра.

Первым пришел в сознание Мак-Наббс. Несмотря на многочисленные ушибы, он ничего не сломал и твердо держался на ногах. Отряхнув пыль, майор осмотрелся вокруг. На земле неподвижно лежали его спутники. Майор пересчитал их. Все были на месте. Недоставало только Роберта Гранта.

14. Меткий выстрел

Мак-Наббс принялся приводить своих товарищей в чувство. К счастью, ни один серьезно не пострадал. Майору даже не понадобилось оказывать кому-либо медицинскую помощь, хотя он мог бы это сделать. Мак-Наббс не раз участвовал в военных действиях и хорошо умел лечить раны, переломы и вывихи.

Когда исчезновение Роберта обнаружил Гленарван, он пришел в отчаяние. Гленарван твердил, что не имеет права спасти капитана Гранта ценой жизни его ребенка. Путешественники предлагали различные варианты поисков мальчика, один невероятнее другого.

Когда все высказались, заговорил Мак-Наббс.

– Кто помнит, в какой именно момент исчез Роберт? Ответа не последовало.

– С кем рядом был мальчик во время спуска? – не отступал майор.

– Рядом со мной, – отозвался Вильсон.

– Постарайся вспомнить, в какой момент ты видел его в последний раз.

– Минуты за две до толчка, после которого я потерял сознание, мальчик держался слева от меня, – ответил Вильсон.

– Значит, Роберт мог исчезнуть только с этой стороны, – заключил майор. – Он упал на ту часть горы, которая снизу ограничена равниной, а сверху – отвесной скалой. Распределив между собой этот район, мы его найдем.

– Нет, – покачал головой Гленарван, – мы этого не сделаем. Ситуация продолжает оставаться опасной. Не хватало, чтобы погиб или исчез кто-то еще. Мы останемся и будем ждать Роберта здесь. Возможно, он сам ищет нас, если конечно...

Гленарван умолк и отвел глаза.

– Я сам буду искать его, – заявил Гленарван и отправился бродить по склону.

– Бедняга Роберт! – промолвил Паганель, вытирая слезы.

Вильсон и Мюльреди принялись собирать разбросанное по скалам имущество, уцелевшее после катастрофы. Несколько одеял, оружие, немного сушеного мяса и риса составляли скудные теперь припасы путешественников. Майор выбрал место под группой высоких рожковых деревьев и распорядился разбить временный лагерь. Рядом протекала узкая речка, где матросы набрали мутной после обвала воды.

Гленарван вернулся ни с чем. День прошел в унынии. Настала ночь, тихая и безмятежная. Путешественники улеглись на одеялах, но заснуть никто не мог. Гленарван, поворочавшись с боку на бок, поднялся и снова отправился на поиски Роберта. Он напряженно прислушивался, надеясь, что мальчик позовет на помощь, но горы безмолвствовали.

Утром майор стал уговаривать Гленарвана прислушаться к голосу разума.

– Если Роберт до сих пор не объявился, вряд ли он вообще находится поблизости, – осторожно заметил Мак-Наббс. – Эдуард, как ни печально, нам придется двигаться дальше без него. У нас на исходе припасы, а здесь запас пополнить невозможно. Мы все умрем с голоду.

– Давайте немного подождем, – упавшим голосом сказал Гленарван. – Может быть, он найдется.

– Хорошо, давайте отложим выступление на час.

Прошел час. Гленарван опять стал просить своих товарищей задержаться – просить таким тоном, каким приговоренный к смерти молит о продлении жизни. Так повторялось несколько раз. В полдень Мак-Наббс решительно поднялся на ноги и распорядился выступить в путь.

– Ты прав, – прошептал Гленарван, – пора...

Распределив между собой поклажу, отряд тронулся вперед. Один Гленарван стоял на месте, пристально глядя в какую-то черную точку высоко в небе.

– Что это? – спросил он.

Друзья обернулись. Черная точка увеличивалась.

– Это кондор, – сказал Паганель.

– Да, кондор, – отозвался Гленарван. – Он летит сюда, снижается... Подождем.

Мак-Наббс внимательно посмотрел на своего двоюродного брата, догадываясь, на что тот надеется. Огромная птица начала описывать круги, видимо, высмотрев в долине свою жертву.

– Если Роберт еще жив... – прошептал Гленарван. – Эта птица... Стреляйте!

Но было уже поздно: кондор камнем пошел вниз и исчез за высокими выступами скалы. Спустя несколько мгновений птица появилась снова. Она летела медленно, потому что несла в когтях безжизненное тело – тело Роберта Гранта.

Майор, самый меткий стрелок из присутствующих, вскинул карабин, но не успел нажать на курок. Раздался далекий выстрел. Белый дымок поднялся между двумя базальтовыми скалами. Сраженный пулей, кондор стал медленно, словно на парашюте, опускаться на широко распростертых крыльях вниз. Не выпуская добычи, он мягко упал землю у берега ручья.

– Бежим! – крикнул Гленарван.

Не задаваясь вопросом, откуда раздался выстрел, он кинулся к тому месту, где лежал кондор. Остальные помчались следом. Гленарван добежал первым и опустился на колени около мальчика.

– Он дышит! Он жив! – услышали друзья его радостный крик.

Подоспевший Паганель стащил с Роберта одежду и побрызгал мальчику водой в лицо. Роберт открыл глаза, огляделся и улыбнулся.

– Благодарю вас, сэр... – прошептал он.

15. Испанский язык Паганеля

Роберта едва не задушили в объятиях. Все наперебой рассказывали, как пытались разыскать мальчика, и поздравляли его со счастливым избавлением, не удосуживаясь, правда, уточнить, откуда пришла неожиданная помощь.

Майору первому пришло в голову осмотреться по сторонам. Шагах в пятидесяти он увидел неподвижно стоявшего у подножия горы высокого человека, у ног которого лежало длинное ружье. Судя по одежде, это был индеец, уроженец Патагонии. Длинные волосы незнакомца были перевязаны кожаным ремешком, смуглое лицо раскрашено: переносица красной краской, веки – черной, лоб – белой. На нем был прошитый жилами страуса плащ из шкуры гуа-нако, пушистой шерстью наружу. Под плащом виднелась нижняя одежда из лисьего меха, туго стянутая в поясе. Обувь патагонца была сшита из бычьей кожи и перевязана ремешками на щиколотках.

– Я не знал, не представлял себе, как мы пойдем дальше без тебя, – твердил, обнимая Роберта, Гленарван. – Я все скалы кругом облазил, все звал тебя. Все надеялся, что ты отзовешься...

Майор прервал излишние Гленарвана и указал ему на спасителя Роберта. Гленарван поспешно поднялся на ноги, подбежал к патагонцу и крепко пожал ему руку. Майор последовал примеру брата. Индеец слегка наклонил голову и произнес несколько слов.

Мак-Наббс и Гленарван ничего не ответили и только растерянно переглянулись. Тогда патагонец, сказал пару фраз на другом языке. На этот раз его снова не поняли, хотя Гленарвану показалось, что индеец говорил по-испански.

Позвали Паганеля. Ученый обрадовался случаю блеснуть своим знанием испанского и с энтузиазмом принялся рассказывать патагонцу о приключениях отряда.

Теперь настала очередь индейца с недоумением смотреть на своего собеседника. Он не понимал речь Паганеля, и в конце концов ученый был вынужден сдаться и замолчать.

– Все это произношение, – сетовал он. – Никак оно мне не дается.

– Вы уверены, что говорите с ним на правильном испанском? – задал вопрос майор, которому в голову начали закрадываться сомнения.

– Конечно. Ведь я учил этот язык по лучшему образцу национальной литературы, по подлиннику, который нашел на «Дункане»!

– Позвольте мне взглянуть на эту книгу, Паганель, – попросил Мак-Наббс.

– Пожалуйста, – пожал плечами ученый. – Она у меня в кармане. Вот. Это «Луизиада», героическая поэма, которая...

– «Луизиада»? – переспросил ошеломленный Гленарван.

– Да, «Луизиада» великого Камоэнса!

– Камоэнса? – воскликнул Гленарван. – Ну, конечно! Теперь все понятно. Паганель, дорогой мой, Камоэнс португалец! Вы целых шесть недель изучаете португальский язык, который в пампах Аргентины и Чили нам совершенно ни к чему!..

Весь отряд дружно расхохотался. Поистине рассеянность Паганеля превзошла все ожидания. Патагонец, ничего не понимая, стоял с невозмутимым видом и ждал, пока путешественники успокоятся.

– Короче говоря, мы остались без переводчика, – подвел итог майор, когда его товарищи умолкли.

– Ничего страшного, – отозвался неунывающий Паганель, – португальский и испанский языки очень похожи. Я буду внимательно слушать нашего патагонца и уверен, очень скоро заговорю по-испански не хуже, чем сейчас по-португальски.

У Паганеля был настоящий талант к иностранным языкам, потому что буквально через несколько минут ему удалось обменяться с туземцем несколькими фразами по-испански. Географ узнал, что патагонца зовут Талькав. Он оказался профессиональным проводником по пампе и согласился вывести путешественников из долины, в которую они попали вследствие природного катаклизма.

Отряд был готов выступить немедленно, но Роберт еще чувствовал себя неважно. Мюльреди предложил понести мальчика на руках, но Талькав объяснил, что в этом нет необходимости. Индеец нарвал на берегу реки несколько пучков дикого сельдерея и растер ими тело больного. После десяти минут целительного массажа мальчик совершенно ожил.

Затем Талькав сказал, что будет лучше вначале как следует экипировать отряд, т. е. купить лошадей и съестные припасы, которые можно раздобыть в индейском поселении, «тольдери». Гленарван и Паганель, который выполнял свои обязанности переводчика все лучше и лучше, направились вслед за патагонцем вверх по течению реки.

Тольдерия раскинулась в глубине долины, сжатой отрогами Анд. Здесь, в шалашах из ветвей, жило человек тридцать туземцев-кочевников, которые пасли огромные стада коров, быков, лошадей и овец. В обмен на семь низкорослых лошадок аргентинской породы с полной сбруей, сто фунтов сушеного мяса, несколько мер риса и несколько бурдюков для воды индейцы взяли у Гленарвана двадцать унций золота.

Паганель не упустил случая расспросить кочевников о судьбе трех европейцев, потерпевших два года назад крушение у берегов Патагонии. Но то ли ученый не все испанские слова подбирал правильно, то ли племя не интересовалось ничем, кроме своих стад, только индейцы долго и уверенно качали головами, поясняя, что ни о каких европейцах в последние годы не слышали.

16. Рио-Колорадо

Когда пришло время возвращаться к отряду, Талькав громко свистнул. Из соседней ропицы на зов выбежала великолепная лошадь аргентинской породы. Красавица носила имя «Таука», что на патагонском языке значит «птица». Талькав легко вскочил в седло. Гленарван и Паганель последовали его примеру. Пять оставшихся лошадей они повели за собой на привязи.

Паганель обратил внимание, что снаряжение Талькава состояло из двух охотничьих приспособлений – бола и лассо. Бола представляло собой три шара, соединенных кожаным ремнем. Индейцы бросают их с расстояния в сто шагов в зверя или врага. Снаряд опутывает ноги жертвы, и та падает на землю. Лассо оказалось ремнем метров девять длиной, туго сплетенным из двух кожаных полос. Оно заканчивалось затяжной петлей, скользившей по железному кольцу. Петлю бросают правой рукой, а левой держат ремень, конец которого крепко прикреплен к седлу. Длинный, перекинутый через плечо карабин дополнял вооружение индейца.

Отряд Гленарвана выехал из ущелий Анд, у самого подножия которых начиналась пампа.

– Что такое пампа, господин Паганель? – спросил Роберт.

– Это слово на арауканском наречии означает «равнина, поросшая травой», – с готовностью ответил ученый. – Климат пампы отличается суровой зимой и знойным летом, а осенью, то есть в апреле и мае, здесь идут проливные дожди. Пампу можно условно разделить на три зоны: первая покрыта низкорослыми деревьями и кустарником, вторая – высокими травами, третья – безбрежными лугами и зарослями люцерны и чертополоха.

– Мне кажется, что мы едем по песчаным дюнам, которые сами куда-то движутся, – заметил майор.

– Вам не кажется, Мак-Наббс, – отозвался географ. – Дюны действительно подвижные.

– Что за ерунда!

– Если в дюнах корни растений не переплетены туго между собой, ветер гонит песок с места на место, словно морские волны, – пояснил Паганель. – Мелкий песок при малейшем дуновении взвивается легким облаком и иногда даже превращается в смерч, который может подниматься на большую высоту.

Вечером горизонт на юго-западе заволокло тучами – верный признак перемены погоды. Патаговец подозвал географа и сказал ему что-то по-испански.

– Нам придется познакомиться с «памперо», – обернулся к своим спутникам Паганель.

– Что такое «памперо»? – спросил Роберт.

– Очень сухой юго-западный ветер, – объяснил ученый. – Это частое явление в аргентинских равнинах.

Отряд спешил. Лошади улеглись на землю, а люди сбились в кучу рядом с животными. Ночью памперо разбушевался. Поскольку из теплых вещей у путешественников были только пончо, люди сильно замерзли.

– Обычно памперо свирепствует дня три подряд. Но если барометр поднимается, как в нашем случае, все ограничивается несколькими часами яростного шквала, – успокоил друзей Паганель, приглашая их ознакомиться с показаниями прибора.

Паганель оказался прав. В час ночи ураган стих, и путешественники успели как следует выспаться.

Утром Гленарван поделился с товарищами своим беспокойством.

– Мы в дороге уже несколько дней, – сказал он. – Время идет, а отряд, к сожалению, не встречает по пути никаких индейских племен. Что толку впустую слоняться по пустыне? Это только затрудняет поиски капитана Гранта. Возможно, индейское племя, захватившее его в плен, перекочевало в сторону. Предлагаю расширить район поисков и отклониться от тридцать седьмой параллели.

– Не думаю, Эдуард, – с сомнением протянул майор. – Наберись терпения. Я считаю, что надо все же придерживаться первоначального плана.

Неожиданно мнение майора получило поддержку Талькава. Патаговец через Паганеля указал путешественникам проезжую дорогу, по которой им следовало, по его мнению, двигаться дальше. Паганель сверился с картой и отрицательно покачал головой.

– Это дорога из Кармена в Мендосу. Нам она не подходит.

– Мы поедем не по ней? – удивился Талькав.

– Нет, – ответил Паганель.

– Куда же мы направляемся?

– Прямо на восток.

– Это значит, что мы никуда не попадем.

– Как знать!

Талькав вопросительно посмотрел на Гленарвана.

– Паганель, разъясните Талькаву цель нашей экспедиции. Вы сможете сказать по-испански, почему нам важно попасть именно на восток?

– Это будет очень трудно, – ответил Паганель, – индеец ничего не понимает в географических градусах, а история документа покажется ему фантастической. Но я все же попробую.

Урок географии продолжался около получаса. Ученый рисовал на песке карты, чертил параллели и меридианы, обозначал горы и океаны. Талькав невозмутимо следил за движениями географа, но понимает он его или нет, определить было невозможно. Наконец Паганель замолчал, вытер струившийся по лицу пот и взглянул на патагонца.

– Вы ищете пленника? – спросил тот.

– Да, – ответил Паганель.

– И ищите его именно на протяжении того пути, который тянется от солнца заходящего к солнцу восходящему? – прибавил Талькав, пользуясь индейской манерой выразиться для определения дороги с запада на восток.

– Да.

– Это ваш бог вручил волнам огромного моря тайну пленника?

– Да.

– Пусть исполнится воля его, – торжественно провозгласил Талькав, – мы направимся на восток, и если надо будет, то дойдем до самого солнца.

Паганель задал индейцу вопрос, не слышал ли он о чужестранцах, попавших в плен к индейцам пампасов.

– Слышал, но не видел, – помедлив, ответил Талькав. – Я знаю о нем по рассказам индейцев.

Ученый с удвоенной энергией принялся объяснять, как важно найти пропавшего европейца, и не забыл упомянуть, что в отряде находится Роберт, сын капитана. Талькав пристально посмотрел на мальчика. Лицо индейца выражало сочувствие.

– Пленник находится у вождя индейского племени пойуче, Кальфоукоура. Это человек с двумя языками и с двумя сердцами, – неодобрительно добавил Талькав. – Но с ним можно договориться.

– Где стоит это племя? – спросил Гленарван.

– Прямо по пути, которым мы следуем, – ответил Талькав. – Нельзя отклоняться в сторону. Я провожу вас.

– Вот видишь, Эдуард, – заметил майор, – поспешишь – людей насмешит.

Отряд тронулся в путь и спустя несколько часов остановился на берегу Рио-Колорадо. Паганель искупался в ее водах, окрашенных красноватой глиной. Река оказалась широкой, и лошади не могли переплыть ее. Двигаясь вверх по течению, путешественники обнаружили

висячий мост, сделанный индейцами из сплетенных гибких ветвей, связанных ремнями. Так маленькому отряду удалось перебраться на левый берег, где матросы и раскинули лагерь.

17. Пампа

На рассвете отряд двинулся в путь. Грунт, скрепленный корнями деревьев и кустов, стал твердым. Мелкий песок, из которого образовывались дюны, и пыль, клубившаяся в воздухе, исчезли.

Скоро путешественники заметили на земле множество костей животных, лежавших компактно в одном месте. Это оказались истлевшие и побелевшие останки огромного стада быков, которые почему-то не были разбросаны, как обычно валяются скелеты павших в пути животных. Это стало загадкой даже для Паганеля, и он обратился за разъяснениями к Талькаву. Индеец не замедлил удовлетворить любопытство ученого.

– Не может быть! – воскликнул Паганель, получив ответ.

Его реакция заинтриговала товарищей.

– Что это такое? – засыпали они Паганеля вопросами.

– Молния! – ответил ученый.

– Неужели? – не поверил Том Остин. – Молния убила наповал стадо в пятьсот голов?

– Вряд ли Талькав ошибается. Грозы в пампе отличаются невероятной яростью. Хорошо бы нам не испытать их на себе!

– Смотрите, не сглазьте, Паганель, – заметил майор. – В воздухе так и парит!

– Действительно очень жарко, – промолвил Вильсон.

– Термометр показывает тридцать градусов в тени, – объявил Паганель.

– Я чувствую себя так, словно по мне пробегает электрический ток, – произнес Гленарван. – Надеюсь, эта жара скоро спадет.

– Конечно, спадет, – подхватил Мак-Наббс. – Вот гроза прогремит, ливень пройдет, и сразу станет прохладно.

В этот вечер привал сделали на заброшенном ранчо – в глиняной мазанке с соломенной крышей. Ранчо было обнесено полустгнившим частоколом. В нескольких шагах от хижины была вырыта яма, служившая очагом. В ней еще сохранилась остывшая зола. Внутри ранчо имелась скамья, убогая подстилка из бычьей кожи, котелок, вертел и расписанный узорами чайник.

– Чайник-то здесь зачем? – не понял Мак-Наббс. – Да еще такой красивый!

– Это особая посуда для кипячения матэ, «чая индейцев», – пояснил вездесущий Паганель. – Матэ – напиток из настоя сушеных трав, очень распространенный в Южной Америке. Его пьют через соломинку.

По просьбе Паганеля Талькав приготовил несколько чашек матэ, и путешественники с удовольствием завершили им ужин.

На следующий день, 30 октября, солнце с утра висело над пампой в раскаленном тумане и заливало землю жгучими лучами.

– Такое впечатление, что откуда-то доносится запах гари, – заметил Гленарван. – Неужели поблизости пожар?

– У памп совершенно ровная поверхность, – успокоил его Паганель. – Воздушные потоки не встречают никаких препятствий, и бывает, что запах гари можно почувствовать километров за восемьдесят.

– За восемьдесят? – недоверчиво переспросил майор.

– Да, – подтвердил Паганель. – Это горит трава. Пожар может охватить огромное пространство, но не добраться до нас.

– Кто же поджигает прерии? – спросил Роберт.

– Иногда молния, а иногда сами индейцы.

– Зачем?

– Они утверждают, что после пожаров в пампе лучше растут злаки.

– Все это хорошо, – заявил Гленарван, – но надо что-то придумать, чтобы не оказаться на пути пожара. Если нас накроет бушующее пламя, нам не выжить.

– Не волнуйтесь, дорогой Гленарван, – улыбнулся Паганель, – мы уцелеем. Я читал Купера. Его герой, Кожаный Чулок, всегда спасался от надвигающегося огня, вырвав траву вокруг себя в радиусе нескольких метров. Нет ничего проще. Мы поступим так же.

Однако вступать в единоборство с огнем не потребовалось, и путешественников поджаривали только жгучие лучи солнца. Поначалу это ни у кого не вызвало беспокойства. Вильсон, отвечавший за питьевую воду, уверял, что у отряда имеется достаточный запас. Однако матрос не принял в расчет сильной жажды, которая мучила его спутников весь день. На пути им не попалось ни одной речки. Даже искусственные водоемы, вырытые индейцами, пересохли. Признаки засухи начинали беспокоить Паганеля, и он прямо спросил Талькава, где тот рассчитывает найти воду.

– В озере Салинас, – ответил индеец.

– Когда мы туда доберемся?

– Завтра вечером.

– Да, придется потерпеть, – обернулся Паганель к своим товарищам. – Как правило, путешествующие по аргентинской пампе роют колодцы и находят воду на глубине нескольких метров. Жаль, что у нас нет необходимых инструментов.

– Ладно, переживем, – отмахнулся майор. – Будем утолять жажду урезанными порциями. Там на дне бурдюка еще осталось немного.

– Да, только вода теплая и противная на вкус, – поморщился Гленарван.

Вечером, после перехода в тридцать километров, путешественники сделали привал. Они рассчитывали восстановить силы крепким сном, но ночью налетели тучи комаров и москитов. Паганель совершенно извелся.

– Будь прокляты эти насекомые! восклицал он. – Надо было брать с собой подкисленную воду. Она успокаивает боль от укусов.

– Перестаньте, Паганель, – попытался утешить его майор в своей обычной манере. – Надо радоваться, что из трехсот известных видов насекомых на нас напали только два.

Утро началось с неприятностей. Мюльреди, ехавший немного впереди отряда, вдруг повернул коня и сообщил о приближении отряда индейцев. К этой встрече отнеслись по-разному. Гленарван решил узнать у индейцев что-нибудь о потерпевших крушение на «Британии». Талькав нахмурился и насторожился. Он считал индейцев-кочевников грабителями и предпочел бы уклониться от общения с ними. По совету патагонца, люди Гленарвана проверили оружие и встали плотным кольцом.

Индейцев было десять человек. Они подъехали на расстояние приблизительно ста шагов и остановились в нерешительности. Одеты туземцы были в шкуры гуанако или нутрий и вооружены до зубов – ножами, пращами, бола, лассо и копьями метров пять длиной. Гленарван направил к ним своего коня. Но не успел он проехать и пяти метров, как отряд индейцев круто развернулся и поскакал прочь.

– Что это было? – спросил Паганель Талькава.

– Гаучо, – ответил патаговец.

– Гаучо, – повторил Паганель, поворачиваясь к своим спутникам. – Тогда можно было не принимать мер предосторожности. Гаучо нечего бояться.

– Почему? – спросил майор.

– Гаучо – безобидные пастухи. Они приняли нас за грабителей и обратились в бегство.

– Вы уверены? – не унимался майор. – Ничего не перепутали?

– А что вы так скептически настроены, Мак-Наббс? Я даже в свое время писал о нравах индейцев в одной брошюре...

– Значит, вы ошиблись, господин Паганель.

– Я ошибся? – повысил голос ученый. – Вы забываетесь, господин Мак-Наббс!

– Проклятая рассеянность и тут сыграла с вами злую шутку, – продолжал гнуть свое майор. – Вам придется внести поправки в следующее издание брошюры.

Мак-Наббс и Паганель разгорячились не на шутку, причем повод их раздражения был ничтожным. Гленарван решил вмешаться.

– Послушайте, – сказал он, – один из вас слишком придирчив, а другой – сварлив. Честно говоря, вы оба меня удивляете.

Талькав, не понимая сути спора, догадался, что друзья ссорятся.

– Северный ветер, – с улыбкой пояснил индеец.

– При чем тут северный ветер? – взвился географ.

– Паганель, – похлопал его по плечу Гленарван, – ваше плохое настроение объясняется северным ветром. Кто-то мне говорил, что на юге Америки он сильно раздражает нервы.

– Ты прав, Эдуард! – расхохотался майор. – Паганель, вы тут не при чем – виноват ветер!

Паганель пришпорил лошадь и ускакал вперед, чтобы рассеять свое плохое настроение в одиночестве. Через четверть часа он успокоился и вернулся.

К концу дня маленький отряд уже спускался по крутому берегу к озеру Салинас. Однако здесь путников ожидало тяжелое разочарование: озеро пересохло.

18. В поисках пресной воды

Вода, еще сохранившаяся в бурдюках, протухла, и пить ее стало невозможно. Путешественников начала серьезно мучить жажда. На ночь они устроились в кожаной палатке, оставленной в неглубоком овраге туземцами. Лошади, лежа на илистых берегах озера, с видимым отвращением жевали водоросли и сухой тростник.

Талькав посоветовал разделиться на два отряда. Тем, у кого лошади от усталости и жажды шли медленно, оставалось продолжать путь вдоль тридцать седьмой параллели. Более сильная группа всадников, под предводительством Талькава на неутомимой Тауке, должна была отправиться вперед, к реке Гуамини. Если воды в реке будет достаточно, второй отряд дождетса первого на берегу. Если же Гуамини тоже пересохла, придется вернуться навстречу товарищам, чтобы те не совершали бесполезного перехода.

– Что мы тогда будем делать? – спросил Том Остин.

– Спустимся на семьдесят километров к югу, к отрогам Сьерра-Вентана, – перевел Паганель ответ Талькава. – Там много рек.

– Хороший план, – одобрил Гленарван, – он принимается. Моя лошадь в хорошем состоянии, и я поеду вместе с Талькавом.

– Возьмите меня с собой! – взмолился Роберт. – У меня хорошая лошадь. Она так и рвется вперед... Прошу вас, сэр!

– Хорошо, Роберт, едем, – кивнул Гленарван. – Вы, уважаемый Паганель, останетесь с запасным отрядом. Вы хорошо знаете и тридцать седьмую параллель, и реку Гуамини, и пампу.

– Да уж, пожалуйста, – примирительным тоном проговорил майор. – Ни матросы, ни я не сумеем без вас добраться до места встречи с Талькавом. Вы станете нашим предводителем.

– Придется согласиться, – ответил географ, польщенный словами Мак-Наббса.

– Только не будьте чересчур рассеянны, – прибавил ехидный майор. – Не заводите нас в места, где нам нечего делать, например, к берегам Тихого океана.

К шести утра лошади Талькава, Гленарвана и Роберта Гранта были оседланы. Их напоили оставшейся в бурдюках водой. Животные пили с жадностью, хотя вода была отвратительна на вкус. Затем трое всадников вскочили в седла.

– Как же вы будете объясняться с Талькавом? – спросил Паганель.

– Я знаю десяток слов по-испански, он – столько же по-английски. Как-нибудь разберемся! – ответил Гленарван. – Жестами, рисунками – мало ли способов! Это же всего день-два, а потом мы снова увидимся с вами, господин Паганель!

– До свиданья! – крикнули хором матросы.

Лошади трех всадников быстро понеслись вперед. Роберт становился превосходным наездником, и даже заслужил похвалу индейца. Сам Талькав мог бы легко опередить спутников и за несколько часов домчаться до берегов Гуамини. Но он не хотел бросать друзей среди пустыни и заставлял Тауку замедлять бег.

К середине дня Гленарван и Роберт заметили, как изменилось поведение Тауки. Умное животное чуюло признаки влажности в воздухе и безошибочно несло своего седока по направлению к воде. Около трех часов в углублении почвы блеснула первая светлая полоса. Она переливалась под лучами солнца.

– Вода! – воскликнул Гленарван.

Подгонять лошадей больше не было нужды. Почуввав воду, они резво помчались вперед. В несколько минут животные доскакали до реки Гуамини и, как были, вместе с всадниками, бросились по грудь в прохладную воду. И люди и лошади жадными глотками принялись пить живительную влагу.

Гленарван решил как следует подготовиться к прибытию второго отряда. Для измученных усталостью и жаждой друзей требовалось приготовить ночлег и ужин.

Талькав отправился выбирать подходящее место для привала. Ему посчастливилось найти на берегу реки «рамаду» – трехсторонний загон для скота. Внутри можно было расстелить одеяла и спокойно переночевать.

– Мне кажется, что, поохотившись часок, мы не потеряем времени даром, – подмигнул Роберту Гленарван. – Как ты считаешь?

– Я готов, сэр, – ответил мальчик, вставая на ноги и поднимая ружье.

Берега Гуамини, казалось, были местом встречи всей дичи окрестных равнин. Целыми стаями в воздух поднимались красные куропатки, черные рябчики, желтые коростели и водяные курочки с великолепным зеленым оперением.

Меньше чем за полчаса охотники настреляли целый мешок дичи. Гленарван метким выстрелом убил пекари, а Роберт застрелил армадилла. Это редкое животное, броненосец длиной около пятидесяти сантиметров, покрытый панцирем из подвижных костистых пластинок.

Талькав принес к столу целого страуса. Индеец поймал огромную птицу с помощью бола. Охотник утверждал, что мясо этого страуса очень вкусно, и чуть позже, за ужином присутствующие убедились в справедливости слов своего проводника.

19. Красные волки

Настала ночь. Звезды озаряли равнину слабым светом. Река Гуамини бесшумно катила свои воды. Обитатели пампы отдыхали от дневных трудов.

Гленарван, Роберт и Талькав, растянувшись на мягких охапках люцерны, спали крепким сном. Обессиленные лошади тоже улеглись на землю. Только Таука, чистокровный конь, спала стоя.

Около десяти часов вечера индеец проснулся. Он чувствовал близкую опасность и стал прислушиваться, вглядываясь в темноту. Услышав, что Таука глухо заржала, Талькав подбросил сухих веток в костер и вышел из рамады.

– Таука чует врага, – пробормотал индеец.

Скоро стало понятно, с каким врагом предстоит иметь дело. Зарядив ружье, Талькав встал на страже у входа в загон.

Долго ждать не пришлось. Из пампы послышался странный лай, больше похожий на вой. Талькав выстрелил наугад из карабина.

Гленарван и Роберт проснулись и выскочили из рамады.

– Что случилось? – спросил Роберт.

– Опять индейцы? – предположил Гленарван.

– Нет, – ответил Талькав, – агуары.

– Агуары? – не понял Роберт.

– Красные волки пампы, – пояснил Гленарван.

– Как они выглядят, лорд Гленарван?

– Агуар ростом с крупную собаку. У него лисья морда и красно-бурая шерсть. Вдоль спины растет черная грива. Агуары обычно живут в болотистых местах и охотятся на водоплавающую дичь, потому что сами отличные пловцы.

Волки не заставили долго ждать своего появления. Не прошло и четверти часа, как они окружили рамаду. Проснувшиеся лошади дрожали от страха. Таука нетерпеливо била копытом о землю, порываясь оборвать привязь и умчаться. Хозяин успокаивал ее свистом. Гленарван и Роберт стояли у входа в рамаду с заряженными карабинами в руках. Они взяли на прицел первый ряд агуаров, но Талькав молча приподнял вверх дула их ружей.

– Чего он хочет? – спросил Роберт.

– Он запрещает нам стрелять.

– Почему?

– Не знаю. Может, рано.

На самом деле была более важная причина. Открыв и перевернув свою пороховницу, Талькав показал, что она почти пуста.

– Что же делать? – спросил Роберт.

– Беречь огнестрельные припасы. Сегодняшняя охота дорого обошлась нам: у нас на исходе свинец и порох. Хватит выстрелов на двадцать, не больше.

Тем временем Талькав, собрав как можно больше сухой травы, завалил ею вход в рамаду и бросил на середину кучи пылающий уголь. Трава мгновенно вспыхнула, столб пламени взвился в черное небо, образуя своеобразную огненную завесу между людьми и волками. Зарево осветило стаю. Гленарван похолодел: перед рамадой собралось несколько сотен волков. Самые голодные приблизились к костру и обожгли лапы.

Началась оборона. Роберт следил за тем, чтобы огонь не погас. Иногда Гленарвану приходилось стрелять, чтобы удержать завывающую стаю на расстоянии. Через час штук пятнадцать убитых агуаров валялось на равнине.

Пока у осажденных были пули и порох, а огненная завеса пылала у входа, опасаться вторжения волков было нечего. Что делать, когда эти способы защиты будут исчерпаны, Гленарван не знал. Он помнил только, что агуар выходит на охоту ночью и боится дневного света.

– Что ж, будем защищаться до рассвета! – подбодрил Гленарван Роберта.

Шло время. Огонь костра мало-помалу угасал. Поддерживать его было нечем, потому что никто из людей не мог выйти за пределы рамады. Во мраке мелькали горящие глаза агуаров. Гленарван понимал, что пройдет еще несколько минут, и огромная стая ринется в загон.

Талькав выстрелил в последний раз и прикончил еще одного волка. Потом индеец скрестил руки на груди и задумался.

Вдруг оглушительный вой прекратился. Волки стали отходить от рамады. На равнине воцарилась мрачная тишина.

– Они ушли, – промолвил Роберт.

– Может быть, – отозвался Гленарван.

Однако Талькав, догадавшись, о чем идет речь, отрицательно покачал головой. Патаговец хорошо знал, что хищники не упустят верной добычи. Только заря может загнать их в темное логово.

Действительно, отказываться от добычи волки не собирались. Они обошли рамаду и попытались проникнуть в нее с противоположной стороны. Слышно было, как когти хищников впивались в полусгнившее дерево. Между расшатанными кольями частокола просовывались мощные лапы и окровавленные морды. Перепуганные лошади сорвались с привязи и заметались по загону.

Гленарван обнял Роберта, прижал мальчика к себе, решив защищать его до конца. У него даже мелькнула безумная мысль попытаться спастись с Робертом бегством. В этот момент он заметил, что Талькав подошел к своей дрожавшей от нетерпения Тауке и начал седлать ее.

– Он бросает нас! – прошептал Гленарван, когда Талькав взял в руки поводья, как берет всадник, готовый сесть в седло.

– Нет, – покачал головой Роберт. – Он хочет спасти нас ценой своей жизни.

Индеец, догадавшись, какие мысли обуревают его спутников, спокойно улыбнулся.

– Таука – хорошая лошадь! Быстроногая! Увлечет за собой волков, – произнес он.

– Я поеду сам! – патетически воскликнул Гленарван, вырывая из рук Талькава повод. – Спасай мальчика! Я тебе доверяю, Талькав!

Однако индеец не оценил благородного порыва английского лорда. Вначале он сдержанно попытался объяснить Гленарвану, что действовать надо наверняка, что в случае неудачи всадника оставшиеся в рамаде люди неминуемо погибнут. Подкрепляя свою речь выразительными жестами, Талькав твердил, что только он знает нрав Тауки. Стало быть, он сумеет заставить лошадь развить нужную скорость и увести волков за собой. Но Гленарван в ослеплении упорствовал. Он во что бы то ни стало решил пожертвовать собой и не слушал разумных доводов индейца. Неожиданно лорд почувствовал сильный толчок в плечо и обернулся, от растерянности выпустив повод Тауки. Лошадь взвилась на дыбы и, внезапно рванувшись вперед, перелетела через огненную преграду и трупы волков.

– Да поможет вам бог, сэр! – донесся из темноты детский голос.

Гленарван и Талькав успели заметить Роберта, вцепившегося в гриву Тауки. Мгновение, – и мальчик исчез во мраке. Агуары с громким воем понеслись за быстроногой Таукой.

Гленарван провел ночь без сна. Он не раз порывался пуститься на поиски Роберта, но индеец удерживал его. Талькав уверял, что две оставшихся лошади не догонят Тауку, что она, конечно, опередила волков, но найти ее в темноте невозможно. Приходилось ждать рассвета и только тогда ехать за Робертом.

Когда рассвело, Талькав и Гленарван были уже в седле. В течение часа они мчались по пампе, ища глазами Роберта и боясь найти его окровавленный труп. Тут вдалеке, через опре-

деленные промежутки времени, слышались ружейные выстрелы. Похоже было, что всадникам подавали сигнал.

– Это наши! – воскликнул Гленарван.

Они с Талькавом пришпорили коней и через несколько минут доскакали до отряда Паганеля. Гленарван еще издали заметил, что отряд состоит не из пяти, а из шести человек. Роберт, живой и невредимый, гарцевал на Тауке. Ночью мальчик добрался до отряда, и пятеро вооруженных мужчин сумели отразить нападение волчьей стаи.

20. Аргентинские равнины

Все вместе путешественники прибыли в рамаду. Первым делом вновь прибывшие утолили жажду, а затем Гленарван с Талькавом угостили друзей обильным завтраком. Филе нанду заслужило всеобщее одобрение, а броненосец, зажаренный прямо в панцире, был признан изысканным лакомством.

Бурдюки наполнили свежей водой, и отряд тронулся в путь. Отдохнувшие, сытые лошади резво мчались вперед. Путешественники отметили, что на равнину опустилась приятная прохлада. Животные и люди теперь дышали полной грудью. Температура не поднималась днем выше 17 градусов. Это объяснялось тем, что из Патагонии задул сильный холодный ветер.

Вокруг встречалось множество птиц. Паганель особенно восторгался скворцами с красной грудкой, которые важно расхаживали взад-вперед по откосам дороги. На колючих кустах раскачивалось, словно гамак, гнездо птицы анубис, а по берегам озер, распуская по ветру крылья огненного цвета, целыми стаями бродили фламинго. Тут же виднелись их гнезда, по форме напоминавшие усеченный конус вышиной примерно полметра. Гнезда располагались рядом, образуя подобие птичьего городка.

– Мне давно хотелось увидеть, как летают фламинго, – признался Паганель.

– Вот и пользуйтесь случаем! – отозвался майор.

Пока ученый громко кричал, стоя на берегу озера, чтобы вспугнуть фламинго, Гленарван заметил, что Талькав чем-то обеспокоен и постоянно оглядывается по сторонам. Гленарван подъехал к Паганелю и попросил выяснить причину недоумения патагонца.

– Талькав удивляется, – объяснил Паганель через несколько минут, – почему нигде на нашем пути не видно ни индейцев, ни следов их пребывания. Это не типично для здешних мест. Очевидно, индейцев заставила исчезнуть какая-то веская причина. Так что если Гарри Грант находится в плену у одного из этих племен, важно узнать, на север или на юг его увели индейцы.

– Как же мы это выясним, – буркнул майор. – Вокруг же никого нет!

Однако около полудня вдаль появились три вооруженных всадника. Некоторое время они наблюдали за маленьким отрядом, а потом, не дав возможности приблизиться к ним, умчались прочь. Гленарван пришел в ярость.

– Гаучо, – развел руками патаговец, напомнив название, которое вызвало в свое время горячий спор между майором и Паганелем.

– А, гаучо, – равнодушно протянул Мак-Наббс. – Господин Паганель, сегодня северный ветер не дует. Что скажете об этих мирных пастухах?

– Разбойники с большой дороги! – ответил Паганель. – Такое у меня впечатление.

– А от впечатления до действительности, мой дорогой ученый...

– Всего один шаг, мой дорогой майор!

Второй спор о гаучо окончился взаимным обменом любезностями.

Паганель обратил внимание своих спутников на любопытное явление, свойственное плоским равнинам, – миражи. Так, жалкая хижина издали казалась большим островом, а окружающие ее деревья словно отражались в прозрачных водах, которые отодвигались назад по мере приближения путешественников. Иллюзия была настолько полной, что путники снова и снова поддавались обману.

Талькав торопил отряд. Он хотел как можно быстрее попасть в форт Независимый. Седоки подгоняли лошадей, и те, увлеченные примером быстроногой Тауки, мчались галопом.

Вскоре горизонт заслонила горная цепь Тандиль, а в глубине узкого ущелья показалось селение, над которым возвышались зубчатые стены форта Независимый.

21. Форт Независимый

Всадники въехали в ворота крепости. На площади проходили строевые учения. Самому старшему из солдат было лет двадцать, а самому младшему – не больше семи. Их форма состояла из полосатой сорочки, стянутой кожаным поясом. Ни панталон, ни коротких, до колен, штанов, ни шотландских юбок не было в помине.

Присмотревшись, путешественники заметили, что все юные солдаты очень похожи друг на друга. Это оказались двенадцать братьев, которых обучал воинской премудрости тринадцатый, уже произведенный в чин капрала.

Паганель не удивился. Он знал, что, по статистике, в местных семьях редко бывает меньше десяти детей.

Гленарван велел матросам и майору разместиться в крохотной гостинице форта, а сам в сопровождении Паганеля и Роберта отправился в комендатуру. Талькав объяснил, что остановится у знакомых.

Комендант форта назвался Мануэлем Ифарагером. Он оказался крепким человеком лет пятидесяти с военной выправкой. Паганель рассказал коменданту о путешествии отряда по пампе и спросил, почему индейцы покинули этот край.

– Идет война, – кратко ответил Ифарагер.

– Война?

– Да, гражданская война между Парагваем и Буэнос-Айресом, – ответил комендант.

– И что же?

– Индейцы ушли на север следом за генералом Флоресом.

– А где же вожди племен?

– Там же.

Известие было не из приятных. Во время войны открывался простор для грабежей, что было на руку индейцам. Значит, Гарри Гранта, скорее всего, увели в глубь страны. Где теперь его искать, было непонятно.

Гленарван спросил коменданта, не слышал ли он о европейцах, которые попали в плен к индейцам.

Мануэль несколько минут размышлял, словно припоминая что-то.

– Да, слышал, но никогда не видел, – наконец ответил он. – Однако должен вас разочаровать. Это не капитан Грант, а мой соотечественник. Его товарищ был убит индейцами племени пойуче, а француза несколько раз уводили к берегам Колорадо. Потом ему удалось бежать из плена и вернуться во Францию.

Слова Мануэля были встречены глубоким молчанием. Подробности, сообщенные комендантом, указывали на то, что путешественники совершили ошибку. Экспедиция почти месяц шла по ложному пути. Поблагодарив коменданта, путешественники удалились.

Гленарван кусал губы от досады. Роберт молча шагал рядом, силясь не расплакаться. Они вернулись в гостиницу и сообщили своим спутникам о неутешительных результатах переговоров с комендантом.

Паганель попросил Гленарвана снов показать ему послание капитана Гранта. Географ вновь и вновь перечитывал документ, словно стремясь выработать иное, более правильное, толкование.

– Не тратьте зря время, Паганель, – раздраженно бросил Гленарван. – Здесь же черным по белому написано, где именно находится Грант.

– Нет и еще раз нет! – возразил, ударив кулаком по столу, Паганель. – Гарри Гранта нет в пампе. Значит, его вообще нет в Америке. На вопрос, где он, должен ответить этот документ. Будьте уверены, я добьюсь от него ответа!

22. Наводнение

Решено было продолжать двигаться вперед вдоль тридцать седьмой параллели до встречи с «Дунканом». Осталось преодолеть совсем небольшое расстояние. Путешественники покинули форт Независимый, перевалили через горную цепь Тандиль и очутились на равнине, полого спускающейся к океану.

Что-то стало тревожить Талькава. Он часто останавливал лошадь и приподнимался на стременах. Высокий рост давал ему возможность окинуть взором обширное пространство. Время от времени он отделялся от отряда, отъезжал то к северу, то к югу и потом возвращался. Такое поведение проводника заинтересовало Паганеля и обеспокоило Гленарвана.

Индеец объяснил, что не понимает, почему земля сильно пропитана влагой. Он никогда не видел, чтобы почва была настолько зыбкой. Даже в период сильных дождей по Аргентинской равнине всегда можно было пробраться. К тому же на горизонте собирались свинцовые тучи, и Талькав опасался, что в скором времени начнется сильная гроза.

– Что нам делать, Талькав? – спросил Гленарван.

– Торопиться! – ответил индеец. —

Совет этот легче было подать, чем выполнить. Лошади увязали в зыбкой почве. Тем не менее, путешественники пришпорили коней и постарались покрыть за оставшееся до грозы время как можно большее расстояние.

Около двух часов дня на равнину потоками хлынул тропический ливень. Пончо всадников промокли насквозь, вода ручьями стекала со шляп, словно из переполненных водосточных труб.

Промокшие и продрогшие, к вечеру путники добрались до заброшенного ранчо и с трудом развели огонь. Костер больше дымил, чем согревал. За стенами ранчо продолжала свирепствовать непогода, крупные капли дождя просачивались сквозь прогнившую соломенную крышу. Паганель, как истый француз, изо всех сил старался исправить друзьям настроение и пытался шутить, но никто не смеялся.

– Очевидно, шутки мои подмочены, – заметил ученый и стал готовиться ко сну.

Ночь выдалась бурная, стены ранчо трещали, качались и грозили рухнуть при каждом сильном порыве ветра.

Утром путешественников разбудила Таука. Она ржала и сильно била копытом в стену ранчо. Отряд, не медля, двинулся в путь.

Шел небольшой дождь. Сырой глинистый грунт не впитывал скопившейся воды. Лузи, болота, пруды выступали из берегов, сливаясь в огромные водоемы предательской глубины. Паганель, взглянув на карту, сделал вывод, что Рио-Гранде и Рио-Виварата, реки, в которые обычно стекают воды этой равнины, вышли из берегов и образовали общее русло шириной в несколько километров.

Вода с каждым часом поднималась. Необходимо было выбираться на возвышенность, и побыстрее. Вопрос шел об общем спасении. Около десяти часов утра Таука начала проявлять признаки беспокойства. Она непрестанно оглядывалась на юг, протяжно ржала, раздувая ноздри, втягивала свежий воздух и вставала на дыбы. Талькав с трудом справлялся с лошадью.

– Что с Таукой? – спросил Паганель. – Пиявки?

– Нет, – ответил индеец.

– Значит, она чего-то испугалась?

– Она почуяла опасность.

– Какую?

– Разлив! – ответил Талькав и, пришпорив лошадь, помчался к северу.

– Наводнение! – крикнул Паганель и понесся следом.

Охваченные паникой, лошади мчались галопом, и всадники с трудом удерживались в седлах. Километрах в пяти на юге уже виднелся огромный водяной вал, превращавший равнину в океан. Путешественники пытались найти какое-нибудь пристанище, но во все стороны до самого горизонта простиралась водная гладь.

Наконец вода поднялась так высоко, что лошади поплыли. Их несло вперед стремительным течением. Время от времени то одна, то другая надолго исчезала подводой. Сомнений в том, что очень скоро и люди и животные утонут, не осталось ни у кого. Борьба со стихией не было сил.

– Дерево! – вдруг отчетливо произнес майор своим обычным невозмутимым голосом.

– Где? – завертел головой Гленарван.

– Вон! – отозвался Талькав, указывая пальцем на гигантское ореховое дерево «омбу», одиноко поднимавшееся из воды. Его огромный искривленный ствол уходил в землю толстыми корнями, придающими дереву особую устойчивость. Такой исполин устоял бы против штурма самых больших водяных валов.

Омбу достигало в высоту тридцати метров. От ствола в два метра толщиной отходили три массивные ветви. Две из них поднимались почти вертикально вверх. Третья вытянулась над водой, нижние листья уже скрылись в пенящемся потоке.

Люди вполне могли бы пересидеть на таком дереве, пока вода спадет, тем более, что течение несло их прямо к омбу. Лошадь Тома Остина глухо заржала и пошла ко дну. Пожилой моряк высвободил ноги из стремян и поплыл, мощно рассекая руками воду.

– Хватайся за мое седло, Том! – крикнул ему Гленарван.

– Спасибо, сэр, – ответил Том Остин. – Я справлюсь!

– Осторожнее! – закричал майор.

Он опоздал: огромный вал настиг беглецов и с шумом обрушился на них. Люди и лошади исчезли в пенящемся водовороте.

К счастью, все члены отряда отлично плавали. Люди быстро вынырнули и пересчитали друг друга. Все были живы, но лошади, кроме Тауки, утонули.

Вал оказал путешественникам невольную услугу – домчал их до омбу. Один за другим друзья полезли вверх по ветвям.

Таука, естественно, взобраться на дерево не могла. Привязать ее к стволу тоже было невозможно. Лошадь быстро увлекало течением прочь. Таука поворачивала морду к хозяину и протяжно ржала, словно призывая человека на помощь.

– Бросишь ее? – спросил Паганель Талькава.

– Ни за что! – ответил индеец.

Кинувшись в воду, Талькав вынырнул метрах в трех от дерева. Через несколько минут он уже уцепился за гриву Тауки, и оба они – лошадь и всадник – поплыли по течению в северном направлении.

23. Птичий образ жизни

Появление людей на омбу внесло некоторые поправки в жизнь исконных обитателей дерева. Отряд Гленарвана спугнул целые стаи пернатых. Птицы с громкими криками взлетели на верхние ветви. Паганель отметил, что на омбу гнездились сотни черных дроздов, скворцов, изаков, ильгуэрос и колибри с лучезарным оперением. Когда эти крошечные птички взлетали, казалось, что порыв ветра сорвал с дерева охапку цветов.

Гленарван сделал зарубки на стволе омбу, чтобы по ним следить за подъемом уровня воды. Прошел час. Вода больше не прибывала. Это успокоило путешественников.

– Теперь остается только свить гнездо! – весело предложил Паганель.

– Гнездо? – не поверил Роберт.

– Конечно! Не можем же мы жить в воде, как рыбы. Придется вести птичий образ жизни.

Паганель вызвался руководить постройкой гнезда. Остальные отправились лазать по ветвям и собирать материал для убежища. Вильсон вскарабкался на вершину омбу и стал обозревать окрестности.

Стремительное течение несло вырванные с корнем деревья, сломанные ветви, пучки соломы, балки, сорванные водой с крыш разрушенных ранчо, трупы утонувших животных. На длинном стволе плыло целое семейство ягуаров. Животные громко рычали, вцепившись когтями в свое утлое судно. Вильсону удалось разглядеть вдалеке едва заметную темную точку – Талькава и его верную Тауку.

Вскоре в развилке омбу было построено огромное прочное гнездо с крышей и стенами, напоминавшее гигантскую корзину, надежно привязанную к стволу. Усталые путешественники забрались внутрь. Только теперь они поняли, как сильно голодны. Однако все припасы утонули вместе с лошадьми. Нужно было срочно искать другие источники пищи.

– Кто берется приготовить ужин? – задал вопрос Гленарван.

– Я, – ответил майор.

Все взглянули на Мак-Наббса. Майор с удобством примостился у стенки гнезда. В руках он держал две подмокшие, туго набитые чересседельные сумки.

– Что у вас там? – спросил Паганель.

– Пища для семи человек на два дня, – скромно ответил майор.

– Ты превзошел самого себя! – воскликнул Гленарван. – Надо же! Вокруг всемирный потоп, а ты и тут не потерял хладнокровия!

– Я лично тонуть не собирался, – кратко пояснил свои действия майор. – Насколько я понимаю, вы тоже. Какой смысл спастись от наводнения, чтобы потом умереть с голоду?

– Что ж, приступайте, майор, – широко улыбнулся Паганель.

– Хорошо бы предварительно высушить одежду, – заметил Мак-Наббс. – Холодает. Не хватало только простудиться.

– А откуда взять огня? – спросил Вильсон.

– Развести его, – ответил Паганель.

– Где?

– Здесь, на верхушке ствола!

– Чем будем топить?

– Можно наломать сухих веток прямо на дереве.

– Но как их разжечь? – спросил Гленарван. – Наш трут превратился в мокрую тряпку.

– Обойдемся своими силами, – ответил неунывающий географ. – Кучка сухого мха, увеличительное стекло подзорной трубы, луч солнца – много ли надо человеку, чтобы развести огонь! Кто пойдет в лес за дровами?

– Я! – вызвался Роберт.

– И я, – добавил Вильсон.

Пока Вильсон и Роберт собирали хворост, Паганель содрал со ствола немного сухого мха и сложил его на слой сырых листьев в том месте, где расходились три толстые ветви. Затем ученый вывинтил из своей подзорной трубы увеличительное стекло, и, поймав с его помощью солнечный луч, с первой попытки зажег сухой мох.

– Что бы мы без вас делали, Паганель, – вздохнул Мак-Наббс.

– И без вас, дорогой майор, – ответил ученый любезностью на любезность.

Вильсон и Роберт вернулись с охапками сухих сучьев и бросили на горящий мох. Чтобы дрова быстрее занялись, Паганель прибег к способу, которым пользуются арабы-кочевники. Расставив ноги над костром, он, то нагибаясь, то выпрямляясь, принялся раздувать огонь полами пончо. Сучья вспыхнули, и вскоре яркое пламя с треском взвилось над импровизированным очагом.

Тем временем майор произвел ревизию уцелевших продуктов. Еды было в обрез. На омбу не росло никаких плодов, зато имелось множество птичьих гнезд, где можно было разжиться свежими яйцами. Кроме того, большинство пернатых жильцов тоже годились в пищу.

После ужина пришло время устраиваться на ночлег. Семь человек, конечно, не могли разместиться в одном гнезде, каким бы большим оно ни было. Поэтому было решено, что те, кому не хватает места, будут спать прямо на дереве – благо, дождь давно прекратился. Паганель и тут проявил недюжинную смекалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.